

Глава 1

Выстрелы слышали не менее восьми человек. Трое из них инстинктивно закрыли окна, проверили дверные замки и затаились в безопасности или по крайней мере уединенности своих маленьких квартир. Двое других, имевших кое-какой опыт в подобных делах, бросились бежать от злополучного места едва ли не быстрее, чем стрелявший. Еще одного, фаната повторного использования отходов, привычные резкие звуки уличной перестрелки застали в тот момент, когда он рылся неподалеку в мусорном баке, выуживая алюминиевые банки. Он мгновенно спрятался за гору картонных коробок, переждал заварушку, после чего осторожно прокрался в аллею, где и наткнулся на то, что осталось от прошитого пулями Пампкина*.

А два человека видели практически все. Они сидели на пустых пластиковых ящиках для молочных бутылок на углу Джорджия-авеню и Леймонт-стрит у винного магазина. От стрелявшего — тот быстро огляделся, прежде чем последовать в аллею за Пампкином, — их почти полностью заслонял припаркованный у тротуара автомобиль, так что убийца их не заметил. Эти двое и сообщили полиции, что видели парня, который на хо-

* Pumpkin — тыква (англ.). — Здесь и далее примеч. пер.

ду вытащил из кармана оружие — маленький черный пистолет. Свидетели хорошо его разглядели. А секунду спустя слышали выстрелы, хотя того, как пули пронзили голову Пампкина, своими глазами не видели. Еще через секунду парень с пистолетом в руке выскочил из аллеи и по неизвестной причине ринулся прямо на них. Он мчался, как обезумевшая от страха собака, согнувшись в пояснице, с чертовски виноватым выражением лица. Красно-желтые баскетбольные кроссовки были ему велики размеров на пять и шлепали по тротуару.

Пробегая мимо, он все еще держал в руке пистолет — похоже, тридцать восьмого калибра. Заметив людей и сообразив, что они слишком много видели, он на долю секунды замешкался. Момент был ужасный, им показалось, что убийца решил убрать свидетелей и уже взводит курок, поэтому оба, не сговариваясь, в мгновение ока сделали кувырок назад — только руки-ноги мелькнули над ящиками. В следующий миг парень исчез.

Один из свидетелей, добежав до винного магазина, открыл дверь и заорал, чтобы кто-нибудь вызвал полицию.

Через полчаса в полицейский участок поступило сообщение, что молодой человек, соответствующий описанию свидетелей, был дважды замечен на Девятой улице: он не таясь шел с пистолетом в руке и вел себя еще более странно, чем большинство тамошних обитателей. По крайней мере одного человека он попытался затащить на пустырь, но предполагаемой жертве удалось удрать и позвонить в полицию.

Парня нашли через час. Его звали Текила Уотсон — чернокожий, двадцати лет от роду, с обычным «послужным списком» наркомана. Ни родственников, заслуживающих внимания, ни постоянного места жительства.

Последним местом, где он обитал, был реабилитационный центр на Дабл-Ю-стрит. Каким обра-

зом парень раздобыл пистолет, неизвестно. И если он ограбил Пампкина, то всю добычу — деньги, «колеса» или что там еще могло быть, — видимо, выбросил, поскольку карманы его были так же пусты, как и бессмысленный взгляд. Полицейские удостоверились, что в момент ареста Текила не находился под воздействием каких бы то ни было наркотиков. Быстрый жесткий допрос состоялся прямо на улице, после чего на парня надели наручники и затолкали на заднее сиденье патрульной машины с буквами «ОК»*.

Его отвезли обратно на Леймонт-стрит и устроили импровизированную очную ставку с двумя свидетелями. Текилу провели в аллею, где он оставил тело Пампкина.

— Ты был здесь раньше? — спросил полицейский.

Текила ничего не ответил, лишь молча вперил взгляд в лужу свежей крови на грязном цементе. Незаметно подвели свидетелей.

— Это он! — в один голос выпалили оба.

— Одежда та же и кроссовки, только пистолета не хватает.

— Да, это он.

— Точно.

Текилу снова затолкали в машину и отвезли в тюрьму. Там его зарегистрировали как подозреваемого в убийстве и заперли в камере без реальной надежды быть выпущенным на волю под залог. То ли наученный опытом, то ли от страха Текила не произнес ни единого слова, как ни уговаривали, улещивали и даже пугали его полицейские. Не было обнаружено ни отягчающих, ни смягчающих обстоятельств и никакой причины для убийства Пампкина. Ни малейшей ниточки, которая помогла бы распутать историю взаимоотношений этих людей, если

* Округ Колумбия.

таковая вообще существовала. Пожилой детектив сделал краткую запись в деле: убийство представляется еще менее мотивированным, чем обычно.

Текила не воспользовался правом на телефонный звонок и даже не заикнулся об адвокате или вероятном поручителе. Казалось, что, сидя в переполненной камере и уставившись в пол, он пребывал в сумеречном, но безмятежном состоянии.

Каких-либо следов отца Пампкина найти не удалось, но его мать работала охранницей и в настоящий момент дежурила в нижнем этаже большого административного здания на Нью-Йорк-авеню. Полиции потребовалось три часа, чтобы выяснить настоящее имя ее сына — Рамон Памфри, — установить адрес и отыскать соседей, пожелавших сообщить, что у него есть мать.

Адельфа Памфри сидела за столом в стеклянной будке при входе в здание, наблюдая за множеством мониторов. Это была крупная, плотная женщина в облегающей форме цвета хаки, с пистолетом у пояса. Лицо ее выражало полное равнодушие. Явившимся к ней полицейским сотни раз приходилось проделывать эту процедуру: они сообщили женщине ужасную новость, после чего отправились к ее начальнику.

В городе, где молодые люди убивают друг друга каждый день, привычка к кровопролитию сделала людей толстокожими и жестокосердыми. У каждой матери были приятельницы, потерявшие детей. Любая новая утрата на шаг приближала смерть и к их дому, каждая мать знала, что следующий день может оказаться последним и для ее сына. Обхватив голову руками, Адельфа думала о сыне. Она представляла, как его бездыханное тело лежит в одном из городских моргов и незнакомые люди осматривают его.

Е Она клялась отомстить убийце, кем бы он ни был.

Она проклинала его отца за то, что он бросил сына.

Она оплакивала свое дитя.

И знала, что нужно выжить. Всеми правдами и неправдами — выжить.

Адельфа пришла в суд на предъявление обвинения. В полиции сообщили, что подонок, убивший ее сына, должен присутствовать на этой краткой рутинной процедуре, во время которой он скорее всего не признает себя виновным и потребует адвоката. Сидя в последнем ряду между братом и соседкой, она без конца утирала слезы уже насквозь промокшим платком. Ей нужно было увидеть парня. Она хотела спросить: «Почему?» — но понимала, что возможности сделать это не представится.

Обвиняемых прогоняли по проходу, как скот на торги. Все были черными, в оранжевых тюремных комбинезонах, в наручниках, все — молодые. Отбросы общества.

Текила, как особо опасный преступник, кроме наручников, был в цепях, соединявших запястья и щиколотки, хотя на вид он казался совершенно безобидным по сравнению с другими. Он окинул быстрым взглядом зал: нет ли знакомых — вдруг кто-нибудь случайно забрел поболеть за него? Когда арестованных усадили на предназначенный для них ряд стульев, один из вооруженных судебных приставов склонился к нему:

— Тот парень, которого ты угробил... Вон там, сзади, в синем платье, его мать.

Текила медленно повернул низко опущенную голову и исподлобья глянул — лишь на миг — прямо в мокрые опухшие глаза матери Пампкина. Пожирая взглядом тощего мальчишку в огромном, не по размеру, комбинезоне, Адельфа гадала: где его мать, как она его растила, есть ли у него отец и, главное, как и почему пересеклись пути ее сына и этого парня? Оба были одного возраста, как, впрочем, и остальные присутствовав-

шие здесь обвиняемые, — лет двадцати, чуть моложе, чуть старше. В полиции ей сказали, что, по крайней мере, на первый взгляд наркотики тут ни при чем. Но она-то знала: наркотики всегда «при чем», они отравляли всю жизнь улицы. Уж Адельфе-то это было отлично известно. Пампкин баловался и травкой, и кокаином, однажды даже привлекался за хранение, но никогда не совершал насилия. Полицейские считали, что убийство, скорее всего, было случайным. Все уличные убийства случайны, сказал ее брат, но каждое имеет причину.

У одной стены зала располагался длинный стол, за которым сидели представители власти. Полицейские что-то нашептывали на ухо обвинителям, те поспешно листали дела и рапорты, героически пытаясь ознакомиться с массой бумаг до того, как обвиняемый предстанет перед судьей. У противоположной стены стоял такой же стол для защитников. Те входили и выходили под непрерывный гул аудитории и отскакивавшие от зубов судьи обвинения: в распространении наркотиков, в вооруженном ограблении, в сексуальном нападении, опять в распространении наркотиков, в оскорблении словом... Когда называли имя обвиняемого, того подводили к судейскому столу, где он стоял молча, пока законники шурылись бумагами, потом уводили обратно в тюрьму.

— Текила Уотсон, — провозгласил пристав.

Другой пристав помог Текиле подняться. Тот поковылял вперед, звеня цепями.

— Мистер Уотсон, вы обвиняетесь в убийстве, — громко произнес судья. — Сколько вам лет?

— Двадцать, — ответил Текила, понурившись.

Обвинение в убийстве, разнесшееся по залу, заставило всех притихнуть. Другие обвиняемые смотрели на Текилу с восхищением. Даже юристы и полицейские проявили интерес.

8 — Вы можете нанять адвоката?

— Нет.

— Так я и думал, — пробормотал судья и бросил взгляд на стол защиты.

Плодородная нива отдела по особо тяжким преступлениям уголовного департамента Верховного суда округа Колумбия обрабатывалась сотрудниками БГЗ — Бюро государственных защитников, которое служило страховочной сеткой для всех неимущих обвиняемых. Семьдесят процентов дел требовали назначенных судом адвокатов, и в любой момент слушаний полдюжины ГЗ — государственных защитников в дешевых костюмах и стоптанных мокасинах, с бумажными папками, торчащими из портфелей, — толклись поблизости, чтобы быть под рукой. В данный момент, однако, на месте оказался лишь один из них — достопочтенный Клей Картер-второй, задержавшийся, чтобы пролистать дела куда менее опасных преступников. Застигнутый врасплох адвокат больше всего на свете желал сейчас оказаться вне зала суда. Повернув голову налево, потом направо и не заметив никого из коллег, Клей понял, что его честь смотрит именно на него. Куда, черт возьми, подевались все остальные ГЗ?

За неделю до того мистер Картер завершил дело об убийстве, тянувшееся почти три года и окончившееся тем, что его клиент остался в тюрьме, из которой никогда не выйдет, по крайней мере официально. Клей Картер был счастлив, что тот наконец за решеткой и что у него на столе в настоящий момент нет других дел, связанных с убийствами.

Похоже, счастье длилось недолго.

— Мистер Картер! — сказал судья. Это не был приказ — всего лишь приглашение выйти вперед и заняться тем, чем занимаются все ГЗ: защищать неимущего независимо от характера преступления.

Мистер Картер не имел права выказать слабость, особенно на виду у полицейских и проку-

роров. Он тяжело соглотнул, не стал медлить и подошел к судейскому столу так, словно намеревался немедленно, здесь и сейчас, приступить к защите своего подопечного перед лицом суда присяжных. Приняв от судьи папку, он быстро пролистал несколько лежавших в ней бумаг, не обращая внимания на умоляющий взгляд Текилы Уотсона, потом веско заявил:

— Мы будем ходатайствовать о признании подсудимого невиновным, ваша честь.

— Благодарю вас, мистер Картер. Значит, заносим ваше имя в протокол в качестве адвоката ответчика?

— Пока да. — Мистер Картер уже обдумывал, как бы свалить это дело на кого-нибудь из коллег.

— Прекрасно. Спасибо, — заключил судья, протягивая руку к следующей папке.

Адвокат и подзащитный коротко переговорили, присев за стол. Картер получил всю информацию, которую Текила пожелал ему сообщить — ее оказалось не много, — и пообещал приехать в тюрьму завтра для более обстоятельного разговора. Пока они беседовали, места за столом неожиданно заполнились молодыми юристами из БГЗ, будто материализовавшимися из ниоткуда коллегами Картера.

«Неужели все было подстроено? — подумал Картер. — Неужели они специально слиняли, зная, что в этой группе человек, обвиняемый в убийстве?» За прошедшие пять лет он и сам не раз проделывал подобные трюки. Увиливание от неприятных дел почиталось в БГЗ высшим проявлением профессионализма.

Картер сгреб свой портфель и поспешно проследовал по центральному проходу мимо встревоженных родственников арестантов, мимо Адельфы Памфри с ее немногочисленной группой поддержки в вестибюль, забитый

другими обвиняемыми, их мамашами, подружками и адвокатами. В их бюро служили и такие

юристы, которые утверждали, будто смысл их жизни составляет хаос, царящий в суде Карла Маултри*, — напряженность разбирательств, аура опасности, порождаемая одновременным присутствием в помещении множества преступников, мучительное противостояние жертв и насильников, неимоверная перегруженность делами, призвание защищать бедных и обеспечивать справедливое отношение к ним со стороны полиции и судебной системы.

Если Клею Картеру карьера государственного защитника когда-то и казалась привлекательной, то теперь он не мог вспомнить — почему. Через неделю исполнялась пятая годовщина его службы в БГЗ, которая пройдет без всяких торжеств и о которой, как он надеялся, никто не узнает. К тридцати одному году Клей чувствовал себя выжатым как лимон, загнанным, будто в капкан, в кабинетик, который стыдился показать даже друзьям. Он будто искал, но не мог найти выхода, а теперь еще оказался обременен новым делом о бессмысленном убийстве. Бремя с каждой минутой казалось все тяжелее.

Входя в лифт, он не переставал мысленно ругать себя за то, что так глупо попался. Это же ловушка для новичка, а он слишком долго бродил по этим джунглям, чтобы так легко попасть в западню, тем более устроенную на хорошо знакомых охотничьих угодьях. «Нет, все, увольняюсь!» — это было обещание, которое на протяжении последнего года он давал себе каждый день.

В лифте было еще два человека: какая-то секретарша с кучей папок и мужчина лет сорока с небольшим, весь в черном — в фирменных джинсах, футболке, пиджаке

* Некоторые судебные, университетские и иные официальные здания в США носят имена людей, либо пожертвовавших деньги на строительство, либо отличившихся в соответствующей области.

и туфлях из крокодиловой кожи. Держа перед собой газету, он делал вид, что читает сквозь маленькие очки, висевшие на кончике довольно длинного, но изящного носа; на самом деле он внимательно изучал Клея, который этого не замечал. Да и с чего бы он стал обращать внимание на кого бы то ни было в здешнем лифте?

Если бы Картер не был полностью погружен в свои мысли, он бы обратил внимание на то, что мужчина слишком хорошо одет для подсудимого, но недостаточно официально для юриста. В руках у него не было ничего, кроме газеты, что само по себе настораживало: здание суда Карла Маултри отнюдь не было подходящим местом для чтения. Незнакомец не был похож ни на судью, ни на чиновника, ни на жертву, ни на обвиняемого, но Клей его вообще не заметил.

Глава 2

В городе, где насчитывалось 76 тысяч адвокатов, в основном работавших в крупных фирмах, расположенных на расстоянии ружейного выстрела от Капитолия, — в богатых и могущественных фирмах, куда стремились блестящие юристы, поскольку работа здесь сулила непристойно высокие гонорары, где тупейшие экс-конгрессмены с большой выгодой для себя лоббировали сделки и куда самые непримиримые тяжущиеся стороны приходили с собственными агентами, — Бюро государственных защитников занимало одно из последних мест в низжайшей лиге. Ниже некуда.

Среди адвокатов БГЗ были люди, беззаветно преданные идеалам защиты нищих и обездоленных, поэтому для них работа тут не являлась ступенькой на карьерной лестнице. Какими бы скудными ни были их доходы

и как бы туго им ни приходилось материально, эти юристы испытывали восторг от того, что про-

фессионально ни от кого не зависят, и глубокое удовлетворение от того, что защищают жертв социальной несправедливости.

Большинство же ГЗ считали это место службы неким транзитом — не более чем тренингом перед многообещающим карьерным броском. Научись всему, чему можно научиться только в самых жестких обстоятельствах, замарай руки, поварись в котле, к которому никто из юристов крупной компании не захочет и приблизиться, — и в один прекрасный день истинно прозорливая фирма вознаградит твои старания. Богатейший опыт участия в судебных разбирательствах, широкие знакомства в среде судей, чиновников и полицейских, выносливость к экстремальным нагрузкам, умение справляться с самыми трудными клиентами — вот преимущества, которые могут оценить ГЗ уже через несколько лет службы.

Восемьдесят адвокатов бюро теснились на двух до отказа забитых этажах здания с душными кабинетами — бесцветного цементного сооружения, известного в народе как Куб и располагавшегося на Месс-авеню неподалеку от Томассеркл. Около сорока низкооплачиваемых секретарей и три дюжины параюристов — служащих, не имеющих специального юридического образования, — заполняли каждый свободный дюйм пространства в лабиринте крохотных каморок. Директором бюро была дама по имени Гленда, большую часть времени проводившая за запертой дверью своего кабинета, потому что только там она чувствовала себя в безопасности.

Начальное жалование адвоката составляло 36 тысяч долларов в год. Прибавки были мизерными и заставляли себя долго ждать. Дуайен здешнего адвокатского корпуса, измочаленный мужчина сорока трех лет, зарабатывал 57 600 долларов и последние девятнадцать лет непрерывно грозился уйти. Юристы имели 13

чудовищные нагрузки, поскольку город постоянно вел неравную борьбу со все возрастающей преступностью. Поток неимущих преступников не было конца. На протяжении последних восьми лет Гленда регулярно включала в бюджетный план десять новых адвокатских ставок и двенадцать ставок параюристов, но вот уже четыре года бюджет БГЗ, напротив, неуклонно сокращали. Сейчас она ломала голову над тем, кого из параюристов уволить и кого из адвокатов перевести на полставки.

Как большинство других ГЗ, Клей Картер поступал на юридический факультет вовсе не для того, чтобы посвятить всю жизнь или хотя бы краткий ее отрезок защите неимущих преступников. Боже сохрани! Когда он учился в колледже и на юрфаке Джорджтаунского университета, его отец имел в ОК собственную фирму, в которой Клей несколько лет сотрудничал. У него даже был свой кабинет. Тогда они строили наполеоновские планы: отец и сын поведут дела совместно, и деньги рекой польются в их карманы.

Но когда Клей заканчивал последний курс, фирма лопнула, а его отец покинул город. Впрочем, это отдельная история. Клею пришлось довольствоваться должностью государственного защитника — хорошо, что в последний момент подвернулась хотя бы она.

Ему понадобилось три года, чтобы всеми правдами и неправдами заполучить отдельный кабинет — без окна, размером с крохотный чуланчик, где стол занимал половину жизненного пространства. В отцовской фирме у него был кабинет раза в четыре просторнее, с видом на колонну Вашингтона. Этот вид он, как ни старался, не мог стереть из памяти. Минуло пять лет, а Картер сидел все за тем же ненавистным столом, глаза на стены, которые, казалось, с каждым месяцем подступали все

Швырнув папку с делом Текилы Уотсона на идеально прибранный стол, он снял пиджак. Было бы неудивительно, если бы посреди окружающего бедлама он запустил свой кабинет, предоставил папкам накапливаться на столе, захламлять свободное место и не без оснований оправдывал бы себя крайней занятостью и отсутствием секретаря. Но отец учил его: порядок на столе означает порядок в мыслях. «Если ты не можешь найти нужную бумагу в течение тридцати секунд, ты теряешь деньги», — говаривал он. Еще одним твердо заученным правилом было немедленно отвечать на звонки.

Фанатичная приверженность порядку немало забавляла замотанных коллег Картера. На стене за спиной Клея висел диплом Джорджтаунского университета в красивой рамке. В первые два года службы в БГЗ Клей не решался вывесить его, опасаясь, что коллеги станут недоумевать: почему человек, окончивший престижный университет, вкалывает за такие гроши? «Ради опыта, — убеждал себя Клей, — я торчу здесь, чтобы набраться опыта». Каждый месяц — выступление в суде, в жестком суде, против безжалостных обвинителей, перед немилосердными присяжными. Только спустившись на самое дно, в кровь ободрав костяшки пальцев, можно научиться тому, чему не научит никакая крупная фирма. А деньги придут потом, когда он в свои молодые еще годы станет закаленным бойцом на судебном поприще.

Глядя на тощую папку с делом Уотсона, лежавшую на пустом столе, Клей размышлял, как бы его кому-нибудь сбаврить. Он устал от суровых дел, от жесткого тренинга и прочей дряни.

Шесть розовых листочков с сообщениями о телефонных звонках были прикреплены на краю стола: пять деловых и один от Ребекки, его давней подруги. Ей он отзвонил в первую очередь.

— Я очень занята, — сообщила она после обычного обмена им одним понятными шутками.

— Ты же сама мне позвонила.

— Да, но у меня всего несколько минут. — Ребекка работала помощницей одного малозначительного конгрессмена, возглавлявшего никому не нужный подкомитет. Однако как председателю подкомитета тому полагался штат сотрудников. Днями напролет они трудились над подготовкой документов для очередных слушаний, коих никто слушать не собирался. Чтобы получить это место, ее отцу пришлось подержать кое за какие ниточки.

— Я и сам загружен по горло, — пожаловался Клей. — Только что получил новое дело об убийстве. — Он постарался сказать это так, словно защищать Текилу Уотсона было большой честью для адвоката.

Они постоянно играли в эту игру: кто больше занят? Кто важнее? Чья работа труднее? У кого больше нагрузка?

— Завтра мамин день рождения, — заметила Ребекка, сделав небольшую паузу, словно Клей и сам должен был об этом вспомнить. Он не помнил. И ему было наплевать на день рождения. Он терпеть не мог ее мать. — Нас приглашают в клуб на ужин.

Час от часу не легче.

— Прекрасно! — Только такого ответа от него ждали, причем без колебаний.

— Нас ждут к семи. Костюм и галстук обязательны.

— Разумеется, — согласился он, подумав, что с большей охотой поужинал бы с Текилой Уотсоном.

— Мне надо бежать. Пока. Я тебя люблю.

— И я тебя.

Разговор происходил в типичной для них манере: быстрый обмен репликами, перед тем как они снова ринутся спасать мир. Клей посмотрел на фотографию Ребекки, стоявшую на столе. Их роман развивался

16 с множеством осложнений, которых было бы до-

статочно, чтобы уже раз десять похоронить надежды на брак. Его отец когда-то вел дело против ее отца. Кто там выиграл, кто проиграл, так до конца и не выяснилось. Ее родители претендовали на александрийское* происхождение; он же был для них «дворовым мальчишкой». Они были твердолобыми республиканцами, он — нет. Ее отец за свою деятельность по освоению земель подсечно-огневым методом в окрестностях городов северной Виргинии получил прозвище Беннет-Бульдозер; Клей резко отрицательно относился к наступлению на дикую природу и, не афишируя, состоял в двух организациях, выступавших за защиту окружающей среды, которым исправно платил членские взносы. Ее мамаша всеми силами стремилась вскарабкаться повыше по социальной лестнице и мечтала выдать обеих своих дочерей замуж за серьезные деньги. Свою мать Клей не видел уже одиннадцать лет, не имел никаких светских амбиций и никаких денег.

Вот уже четыре года их отношения с Ребеккой проходили ежемесячные испытания скандалами, большинство которых было спровоцировано ее матерью. Помогали лишь любовь, физическое влечение и решимость выстоять, несмотря ни на что. Но Клей замечал, что Ребекка устала: время и постоянное давление семьи делали свое дело. Ей было двадцать восемь. Она не стремилась к карьере, а мечтала о муже, семье, о спокойной жизни в каком-нибудь тихом пригороде, о том, чтобы баловать детей, играть в теннис и время от времени обедать с матерью в клубе.

Полетт Таллос материализовалась из воздуха, напугав его.

* Александрия, штат Виргиния, пользуется славой города, среди населения которого высок процент представителей интеллектуальной и светской элиты.

— Попался? — ехидно поинтересовалась она. — Опять схлопотал дело об убийстве?

— Ты что, была там? — изумился Клей.

— Я все видела, но ничем не сумела помочь, дружище.

— Ну, спасибо. Я тебе этого не забуду.

Следовало бы предложить ей сесть, но в каморке за отсутствием места не было стульев для посетителей. Впрочем, стульев и не требовалось — все клиенты Клея пребывали в тюрьме, а сиделки и пустопорожний треп здесь вообще были не приняты.

— Каков мой шанс избавиться от дела? — спросил Клей.

— Между очень слабым и нулевым. А кому ты предполагал его спихнуть?

— Подумывал о тебе.

— Извини, но у меня уже есть два убойных дела. Гленда меня от них не освободит ради тебя.

В БГЗ Полетт была ближайшей подругой Клея. Родившись в одном из самых неблагополучных районов города, она когтями процарапала себе путь в колледж, потом на вечерний юридический и, казалось, уже добралась до заветного среднего места в среднем классе, но тут встретила пожилого грека, обожавшего молодых негритянок. Он женился на ней, весьма прилично устроил ее на северо-западе Вашингтона, а сам в конце концов вернулся в Европу, где всегда предпочитал жить. Полетт подозревала, что там у него осталась жена, а то и две, но ее это не сильно огорчало. Она была хорошо обеспечена и редко скучала в одиночестве. Такое положение дел благополучно сохранялось вот уже десять лет.

— Я слышала, как прокуроры обсуждали твое дело: мол, обычное уличное убийство, но абсолютно

18 немотивированное.

— Нельзя сказать, что это впервые в истории округа Колумбия.

— Но чтобы совсем никакого мотива...

— Мотив всегда есть — деньги, наркотики, секс, пара новеньких кроссовок...

— Парень-то совсем смирный, никогда не совершал никакого насилия.

— Первое впечатление почти всегда обманчиво, Полетт, тебе ли не знать.

— Жермен два дня назад получил такое же дело. Никаких видимых мотивов.

— Вот как? Не знал.

— Ты бы с ним поговорил. Он новичок, честолюбив, — кто знает, может, удастся спихнуть ему твое дельце?

— Прямо сейчас и поговорим.

Однако Жермена не оказалось на месте, зато дверь в кабинет Гленды почему-то была приоткрыта. Клей вошел, постучав на ходу.

— У вас найдется минутка? — спросил он, прекрасно отдавая себе отчет в том, что если у Гленды и выдавалась свободная минутка, то она отнюдь не была расположена делить ее с кем бы то ни было из сотрудников. Гленда вполне сносно руководила бюро, распределяя нагрузки, латая скудный бюджет и, что особенно важно, умело улаживая дела в муниципалитете. Но она не любила людей и предпочитала работать за закрытой дверью.

— Конечно, — неприветливо ответила она. Было очевидно, что ей неприятно вторжение, впрочем, другого приема Клей и не ожидал.

— Мне сегодня не посчастливилось: в неподходящую минуту оказался в уголовном суде, и на меня повесили очередное убийное дело, которое я бы хотел кому-нибудь передать. Я ведь только что покончил

с делом Траксела, которое, как вы знаете, длилось три года. Нужно отдохнуть от убийств. Может, кто-нибудь из молодых возьмется?

— Вы просите освободить вас от дела, мистер Картер? — Ее брови поползли вверх.

— Именно. Дайте мне пару месяцев передохнуть с наркоманами и грабителями. Это все, о чем я прошу.

— И кому же, по-вашему, следует передать дело этого... как его?

— Текилы Уотсона.

— Да, Текилы Уотсона. Кто его должен взять, мистер Картер?

— Мне, собственно, все равно. Просто мне нужна передышка.

Гленда откинулась на спинку кресла, как умудренный годами председатель правления какой-нибудь фирмы, и начала покусывать кончик карандаша.

— Разве она помешала бы любому из нас, мистер Картер? Все мы хотели бы передохнуть, не правда ли?

— Так вы согласны или нет?

— У нас в штате, мистер Картер, восемьдесят юристов, но лишь половина обладают достаточной квалификацией, чтобы вести дела об убийствах. У каждого из них сейчас на руках по меньшей мере два таких дела. Передайте свое кому-нибудь, если сможете, но я этим заниматься не собираюсь.

Уже уходя, Клей заметил:

— Пора бы подумать о моем повышении, вы так не считаете?

— На будущий год, мистер Картер. На будущий год.

— А как насчет помощника?

— На будущий год.

Так дело Текилы Уотсона осталось лежать на идеально организованном столе Джаррета Клея Картера-второго, государственного защитника.

Глава 3

Хотя здание было недавней постройкой и городские власти гордились им и открывали с большой помпой, тем не менее тюрьма есть тюрьма. Спроектированное под неусыпным контролем консультантов из городского архитектурного надзора и оснащенное высокотехническими охранными системами, сооружение все-таки было местом заключения. Надежное, удобное, гуманно организованное, рассчитанное на следующее столетие, оно оказалось переполненным уже в день открытия. Это слепое, без окон, строение напоминало большой красный шлакобетонный блок, опирающийся на одно ребро. Оно было битком набито преступниками, бесчисленной охраной, и в его атмосфере витала безысходность. Из соображений политкорректности называлось оно уголовно-исправительным центром — современный эвфемизм, принятый нынче у архитекторов подобных проектов. Но, по сути, это была все та же тюрьма.

Здесь-то по большей части и работал Клей Картер. Здесь он встречался с основным контингентом своих клиентов в промежутке между их арестом и тем днем, когда их отпускали под залог, если те могли его внести. Большинство его подзащитных такой возможности не имели. Многие из них подвергались аресту за ненасильственные преступления, но вне зависимости от того, были они виновны или нет, содержались под стражей до окончательного решения суда. Тиггер Бэнкс, например, провел в камере почти восемь месяцев по обвинению в краже со взломом, которой, как выяснилось, не совершал. За это время он потерял обе свои почасовые работы, квартиру и доброе имя. Последний его звонок Клею был душераздирающей мольбой о вспомоществовании. Тиггер оказался на улице, подсел на наркотики и стремительно катился навстречу новым бедам. 21

Едва ли не у каждого городского адвоката по уголовным делам был свой Тиггер Бэнкс. Все эти истории имели печальный конец, и никто ничего не мог сделать. Годичное содержание одного заключенного обходилось в 41 тысячу долларов. И почему система так любит сжигать деньги?

Клей устал от подобных вопросов, от тиггеров, коих в его карьере было немало, он устал от тюрьмы, от одних и тех же самоуверенных охранников, которые неизменно встречали его при входе в цокольный этаж, предназначенный для общения адвокатов с подзащитными. Он одурел от запаха, навечно пропитавшего это заведение, от идиотских формальностей, установленных бумаго-мараклами, строго руководствующимися учебниками по содержанию заключенных. Было девять утра, среда, хотя Клею все дни казались одинаковыми. Он подошел к застекленному окошку с табличкой «Для адвокатов». Убедившись, что достаточно промариновала Клея, служащая подняла стекло и молча уставилась на него. Впрочем, слов и не требовалось — они уже пять лет вот так, не здороваясь, обменивались хмурыми взглядами. Клей расписался в регистрационном журнале и сунул его обратно в окошко — несомненно, защищенное пуленепробиваемым стеклом, охраняющим сотрудницу от разъяренных адвокатов, — которое она тут же закрыла.

Два года Гленда пыталась внедрить простейшую систему, по которой адвокаты из БГЗ и прочие заинтересованные лица могли бы за час оповещать по телефону о своем прибытии, чтобы клиенты в нужный момент уже находились поблизости от комнаты свиданий. Казалось бы, чего проще, но именно простота предложения, очевидно, и похоронила его в бюрократической преисподней.

Вдоль стены стоял ряд стульев для адвокатов, здесь защитники должны были терпеливо ожидать, пока их запросы черепаashьим шагом ползли к не-

коему ответственному лицу на верхнем этаже. К девяти утра несколько коллег Клея обычно уже сидели на этих стульях, нервно теребя папки, шепотом разговаривая по мобильным телефонам и не обращая друг на друга никакого внимания. На заре карьеры Клей приносил с собой толстые юридические фолианты, чтобы, читая их, производить впечатление на коллег своим профессиональным рвением. Теперь он достал «Пост» и стал просматривать спортивный раздел. Когда его наконец вызвали, по привычке взглянул на часы: сколько времени потрачено на бессмысленное ожидание Текилы Уотсона?

Всего двадцать четыре минуты. Могло быть хуже.

Охранник проводил его в длинную комнату, разделенную толстыми плексигласовыми перегородками, указал на четвертую от конца кабинку, и Клей занял место. Через такую же прозрачную перегородку перед собой он видел, что по ту сторону еще никого нет. Опять ждать. Он достал из портфеля бумаги и стал обдумывать вопросы к Текиле Уотсону. В кабинке справа адвокат вполголоса вел напряженную беседу со своим клиентом, которого Клей видеть не мог.

Охранник вернулся и шепотом, озираясь на камеры наблюдения, будто делал нечто запрещенное, сообщил Клею:

— Ваш парень плохо провел ночь.

— А в чем дело?

— Часа в два набросился на соседа, избил его до полу-смерти, в общем, устроил заварушку. Шесть охранников с ним едва справились. Не парень — чума.

— Текила?!

— Да, Уотсон. Того беднягу пришлось отправить в больницу. Теперь Уотсону грозит дополнительное обвинение.

— Вы уверены, что это он? — спросил Клей.

— Все записано на видео.

На этом разговор закончился. Двое охранников, держа под руки, привели Текилу и усадили его на стул напротив Клея за прозрачной перегородкой, после чего отступили в стороны, но недалеко. Арестованный был в наручниках, которые вопреки обыкновению не сняли на время встречи с адвокатом.

Его левый глаз заплыл, в уголках запеклась кровь. Правый был открыт, но все глазное яблоко покраснело. Посреди лба белел пластырь, на подбородке тоже красовалась «бабочка» бактерицидного пластыря. Губы и скулы опухли настолько, что Клей усомнился: его ли клиента привели? Казалось, перед ним за перегородкой сидит незнакомец, которого кто-то где-то жестоко избил.

Клей снял черную телефонную трубку и жестом показал Текиле сделать то же самое. Тот неловко подцепил свою обеими скованными руками.

— Ты Текила Уотсон? — спросил Клей, стараясь поймать взгляд клиента.

Тот утвердительно кивнул, очень медленно, словно кости у него в голове разошлись.

— Тебя осматривал врач?

Кивок — да.

— Это копы тебя избили?

Ни секунды не колеблясь, парень покачал головой — нет.

— Сокамерники?

Кивок — да.

— Мне сказали, это ты затеял драку, измочалил какого-то бедолагу так, что его отправили в больницу. Это правда?

Кивок — да.

Трудно было представить, как Текила Уотсон с его ста пятьюдесятью фунтами веса буйствует в переполненной тюремной камере.

24 — Ты знаешь этого парня?

Голова Текилы чуть качнулась справа налево — нет.

Пока он ни разу не воспользовался телефонной трубкой, и Клей устал от этого языка жестов.

— Почему ты напал на него?

С огромным трудом Текила наконец разомкнул опухшие губы.

— Не знаю, — медленно произнес он. Было видно, что ему больно говорить.

— Потрясающе, Текила. Есть над чем работать. Как насчет самозащиты? Этот парень к тебе приставал? Первым тебя ударил?

— Нет.

— Может, он был под кайфом или пьян?

— Нет.

— Ругался, угрожал тебе, а?

— Он спал.

— Спал?!

— Да.

— Наверное, слишком громко храпел. Ладно, проехали.

Зрительный контакт прервался: адвокату понадобилось что-то записать в своем рабочем блокноте. Клей нацарапал дату, время, место, имя клиента. Больше записывать было нечего. В его голове роилась не одна сотня вопросов. При тюремных собеседованиях вопросы всегда были одними и теми же: об основных фактах биографии подзащитного и о неблагоприятном стечении обстоятельств, приведших его сюда. Правду приходилось выуживать, как крупинки золота из песка, через эту плексигласовую перегородку, и делать это было можно только в том случае, если клиент не напуган. На вопросы о семье, школе, работе, друзьях эти ребята обычно отвечали довольно честно. Но то, что касалось преступления, требовало от адвоката виртуозного мастерства.

Каждому адвокату по уголовным делам было из- 25

вестно, что при первой встрече долго задерживаться на обстоятельствах преступления не следовало. Подробности приходилось разузнавать в других местах, причем без помощи клиента.

Однако Текила казался не таким, как другие. Похоже — пока, во всяком случае, — он не боялся правды. И Клей решил сэкономить, быть может, немало часов своего времени. Он наклонился поближе к перегородке и, понизив голос, проговорил:

— Они считают, что ты убил парня, пять раз выстрелив ему в голову.

Распухшая голова медленно опустилась в знак согласия.

— Некого Рамона Памфри по кличке Пампкин. Ты его знаешь?

Кивок — да.

— Ты стрелял в него? — Клей почти перешел на шепот. Хоть охранники и дремали, адвокату не положено было задавать подобные вопросы, во всяком случае, в тюрьме.

— Да, — тихо произнес Текила.

— Пять раз?

— Кажется, шесть.

«Суду и пяти хватит. В два счета закончу дело», — подумал Клей. Это будет быстрая сделка: признание вины в обмен на более мягкий приговор — пожизненное заключение.

— Это связано с наркотиками? — спросил он.

— Нет.

— Ты его ограбил?

— Нет.

— Ну же, Текила, помоги мне. Была ведь у тебя какая-то причина?

— Я его знал.

26 — И все? Ты знал его? И в этом причина?

Текила кивнул, но ничего не добавил.

— Может, девушка? Ты его застукал со своей девушкой? У тебя есть девушка?

Парень покачал головой — нет.

— Это имеет какое-нибудь отношение к сексу?

Нет.

— Да говори же, Текила, я ведь твой адвокат. Я единственный на земле человек, который старается тебе помочь. Дай мне хоть что-нибудь, за что можно зацепиться.

— Я покупал наркотики у Пампкина.

— Слава богу, заговорил. Когда это было?

— Года два назад.

— Хорошо. Он тебе задолжал деньги или товар? Или ты ему?

— Нет.

Клей сделал глубокий вздох и впервые обратил внимание на руки Текилы. Они были сплошь покрыты небольшими порезами и так распухли, что костяшек не было видно.

— Любишь подраться?

Не то кивок, не то покачивание головой.

— Уже нет.

— А раньше любил?

— Когда был маленьким. Как-то я побил Пампкина. Наконец-то. Клей снова глубоко вздохнул и взялся за ручку.

— Спасибо за помощь, сэр. Когда именно ты подрался с Пампкином?

— Давно.

— Сколько тебе было лет?

Текила слегка пожал плечами, как делают в ответ на дурацкий вопрос. Клей по опыту знал, что у его клиентов отсутствует чувство времени. Они могут помнить, что их ограбили вчера или арестовали

месяц назад, но все, что простиралось за пределы тридцати суток, сливалось воедино. Уличная жизнь — борьба за то, чтобы выжить сегодня. Нет ни времени для воспоминаний, ни событий, достойных памяти. И будущего нет, чтобы соотносить его с прошлым.

— Мы были мальчишками, — ответил Текила все так же кратко, вероятно, эту привычку он приобрел после того, как ему сломали челюсть, а может, и раньше.

— Все же сколько тебе тогда было?

— Может, двенадцать.

— Это случилось в школе?

— На баскетбольной площадке.

— И сильно вы поцапались? Синяки, поломанные кости... Да?

— Нет. Старшие разняли.

Клей на несколько секунд положил трубку и подвел итог: что у него есть для защиты? «Уважаемые присяжные, дамы и господа, мой клиент в упор выстрелил в мистера Памфри (который не был вооружен) пять или шесть раз из украденного пистолета по двум причинам: во-первых, потому что знал его и, во-вторых, потому что лет восемь назад они подрались на баскетбольной площадке. На первый взгляд звучит недостаточно убедительно, дамы и господа, но те, кто знает, что такое Вашингтон, округ Колумбия, поймут: эти две причины ничуть не менее весомы, чем любые другие».

Картер спросил в трубку:

— Ты часто встречался с Пампкином?

— Нет.

— Когда видел его в последний раз, перед тем как застрелить?

Опять неопределенное пожатие плечами. Та же проблема со временем.

28 — Ты виделся с ним раз в неделю?

— Нет.

— Раз в месяц?

— Нет.

— Дважды в год?

— Может быть.

— Когда вы встретились два дня назад, вы поссорились? Помогай, Текила, не заставляй меня клещами тянуть подробности.

— Мы не ссорились.

— Зачем ты пошел за ним в аллею?

Текила положил трубку и несколько раз медленно покрутил головой, видимо, чтобы размять мышцы шеи. Похоже, у него болело все тело. Наручники впивались в запястья. Потом он снова взял трубку:

— Я скажу вам правду. У меня был пистолет, и мне хотелось в кого-нибудь выстрелить — все равно в кого. Я вышел из лагеря и побрел, без всякой цели, просто искал, в кого выстрелить. Я почти уже прицелился в корейца, который стоял на пороге своего магазина, но вокруг было слишком много народу. И тогда я увидел Пампкина. Я его знал. Мы немного поболтали. Я ему сказал, что, если он хочет, у меня есть немного коки. Пошли в аллею, и там я его застрелил. Почему — не знаю. Просто хотелось кого-нибудь убить.

Когда стало ясно, что рассказ окончен, Клей спросил:

— Что такое «лагерь»?

— Да центр этот, где я жил.

— Сколько ты там пробыл?

Новая пауза, но ответ поразил Клея точностью.

— Сто пятнадцать дней.

— Так ты ничего не употреблял сто пятнадцать дней?

— Ага.

— И тогда, когда стрелял в Пампкина, был чист?

— Ага. И сейчас. Уже сто шестнадцать дней.

— Ты раньше стрелял в кого-нибудь?

— Нет.

— А где взял пистолет?

— Стащил в доме двоюродного брата.

— Лагерь охраняется?

— Да.

— Значит, ты сбежал?

— Мне дали два часа. После ста дней можно выходить на два часа, потом надо возвращаться.

— Значит, ты вышел из лагеря, пошел к двоюродному брату, стащил пистолет, отправился шататься по улицам в поисках кого-нибудь, кого можно убить, и наткнулся на Пампкина?

Текила кивнул:

— Да, так и было. Не спрашивайте почему. Я не знаю.

Клею показалось, что в уголках багрового глаза Текилы скопилась влага — чувство вины, угрызания совести? — но Клей не был уверен. Он достал из портфеля бумаги и просунул их в щель под перегородкой.

— Подпиши там, где отмечено красными галками. Дня через два я приду снова.

Текила не обратил на бумаги никакого внимания.

— Что со мной будет? — спросил он.

— Поговорим об этом позже.

— Когда меня выпустят?

— Наверное, не скоро.

Глава 4

Люди, руководившие центром реабилитации, не видели нужды прятаться от проблем и не предпринимали попыток отдалиться от зоны военных действий, на полях сражений которой собирали свой печальный урожай. Центр не был ни тихим заведением, расположенным в сельской местности, ни традиционной клиникой в хорошем районе города. Его

обитатели прибывали с улиц и возвращались обратно на улицы.

Лагерь выходил на северо-западную Дабл-Ю-стрит, оттуда был виден ряд заколоченных досками двухквартирных домов, которые иногда использовали в своих целях наркодилеры. Неподалеку как на ладони лежала печально известная старая заправочная станция, ныне пустующая. Там оптовики встречались с розничными торговцами и совершали свои операции, не заботясь о том, что их могут увидеть. По неофициальным данным полиции, на пустыре возле заправки находили больше начиненных пулями трупов, чем в любом другом районе округа Колумбия.

Клей медленно ехал по Дабл-Ю-стрит. Все двери в машине были заперты, руки судорожно впились в руль, глаза стреляли по сторонам, уши ожидали в любой момент услышать роковой звук выстрела. Белый человек в этом гетто представлял собой желанную мишень в любое время суток.

Реабилитационный лагерь располагался в старом складском помещении, давно брошенном последним из тех, кто использовал его по назначению, проклятом городом и купленном на аукционе за несколько долларов кем-то, кто не ставил себе целью извлечение прибыли, но тем не менее видел некий прок в подобной покупке. Это было несуразное массивное строение, кирпичные стены которого от основания до крыши украшали бордовые граффити, во многих доступных местах уже замалеванные поверху местными мастерами «настенной живописи». Здание простиралось на целый квартал. Оконные и дверные проемы, выходящие на улицу, тоже раскрашенные, были наглухо зацементированы, так что не требовалось ни забора, ни колючей проволоки. Любому, кто задумал бы побег, понадобились бы кувалда, кайло и целый день непрерывного изнурительного труда.

Клей припарковал свою «хонду аккорд» прямо у дома и посидел в машине, размышляя, рвануть ли бегом ко входу или обратиться отсюда подобру-поздорову. Над толстенной двойной дверью висела маленькая табличка: «Реабилитационный лагерь. Частное владение. Вход запрещен». Будто кто-нибудь мог захотеть сюда войти. Вокруг ошивалась обычная компания типичных уличных персонажей: кучка молодых здоровяков с карманами, без сомнения, набитыми наркотиками и орудиями нападения, способными отразить полицейскую атаку; парочка цепляющихся друг за друга алкоголиков — похоже, муж и жена, ожидающие свидания с кем-то, кто находился в лагере. По долгу службы Клею приходилось посещать большинство значных мест округа Колумбия, и он научился мастерски изображать, что ничего не боится. «Я — адвокат. Я здесь по делу. С дороги! Не трогайте меня». Надо признать, что за пять лет работы в БГЗ в него еще ни разу не стреляли.

Он запер свой автомобиль и оставил у самого тротуара, не без горечи подумав, что едва ли даже кто-нибудь из этих головорезов польстится на малолитражку. Машине было двенадцать лет, и она прошла уже двести тысяч миль. «Берите, если хотите», — мысленно произнес Картер, затаив дыхание и не обращая внимания на любопытные взгляды дворовой банды. Тут мили на две вокруг белого лица не встретишь, подумал он, нажимая кнопку дверного звонка.

— Кто там? — проскрипел голос изнутри.

— Меня зовут Клей Картер. Я адвокат. У меня на одиннадцать часов назначена встреча с Тэлмаджем Эксом. — Он четко произнес странную фамилию, хотя был уверен, что здесь какая-то ошибка. По телефону он спросил секретаршу, как пишется фамилия мистера Экса, и та весьма грубо ответила, что это никакая не фамилия.

Тогда что же это? Просто — Экс. Понимайте как знаете.

— Минутку, — проскрипел голос, и Клей остался ждать снаружи, уставившись в дверь и стараясь не смотреть по сторонам. Слева от него, совсем близко, послышалось какое-то движение.

— Эй, мужик, так ты адвокат? — последовал вопрос, заданный высоким молодым голосом чернокожего, достаточно громким, чтобы слышали все.

Клей обернулся и посмотрел в захватанные пальцами солнцезащитные очки своего учителя.

— Да, — ответил он предельно холодно.

— Не-а, никакой ты не адвокат, — возразил молодой человек. За спиной Клея стала собираться толпа любопытствующих хулиганов.

— Тем не менее, — выдавил Клей.

— Таких адвокатов, мужик, не бывает.

— Это точно, — подтвердили из толпы.

— Ты что, в самом деле адвокат?

— В самом, — подыграл Клей.

— Если ты адвокат, чего ж едешь на такой вонючей тачке?

Неизвестно, что уязвило Клея больше: смех, коим сопроводили собравшиеся на тротуаре это замечание, или справедливость самого замечания. Своим ответом он лишь усугубил ситуацию.

— На «мерседесе» ездит моя жена, — неуклюже пошутил он.

— Да откуда у тебя жена! У тебя ж кольца нет на руке.

«Что еще они заметили?» — подумал Клей. Охальники все еще продолжали гоготать, когда замок наконец щелкнул и одна створка двери открылась. Клею понадобилось сделать над собой усилие, чтобы не броситься внутрь очертя голову, а войти не торопясь, с напускной непринужденностью. Приемная представляла собой бункер с цементным полом, стенами из железобетонных блоков и стальными дверями. Никаких

окон, низкий потолок, скудное освещение. Не хватало лишь мешков с песком да оружия. За длинным казарменным столом сидела секретарша, одновременно разговаривавшая по двум телефонам. Не глядя на Клея, она бросила:

— Он будет через минуту.

Тэлмадж Экс оказался мужчиной лет пятидесяти, без единого грамма жира в жилистом теле и без намека на улыбку в старчески морщинистом лице, со взглядом больших глаз, израненным десятилетиями, проведенными среди уличных бандитов. Держался он настороженно. У него была очень черная кожа и очень белая одежда: туго накрахмаленная хлопчатобумажная рубашка и такие же рабочие брюки. Черные солдатские ботинки сияли, как два маленьких солнца. Череп — тоже, на нем не было ни единого волоска.

Когда они вошли в его выгороженный из приемной кабинет, он указал на единственный стул и закрыл дверь.

— Бумаги! — коротко бросил он. Видимо, светская беседа не была его сильным местом.

Клей протянул необходимые бумаги. Тэлмадж Экс прочел каждое слово на каждой странице, подписанной с трудом поддающимся расшифровке из-за наручников именем Текилы Уотсона. Клей заметил, что Экс не носил ни очки, ни часы. Время здесь принято было оставлять за порогом.

— Когда он это подписал?

— Как видите, бумаги датированы сегодняшним днем. Я встречался с ним в тюрьме часа два назад.

— Вы его адвокат? — спросил Тэлмадж Экс. — Официально назначенный?

Этому человеку не раз приходилось иметь дело с уголовным правосудием.

— Да. Назначенный судом от Бюро государственных защитников.

— Там все еще заправляет Гленда?

— Да.

— Мы отвлеклись. — Видимо, подобного отступления ему показалось достаточно.

— Вы знали об убийстве? — спросил Клей, доставая из портфеля блокнот.

— До того как вы позвонили час назад, не знал. Было известно только, что Уотсон ушел во вторник и не вернулся. Мы понимали: что-то случилось, но с ними всегда что-нибудь случается, нам это не в новинку. — Экс выговаривал слова медленно и четко, часто моргал, но взгляда не прятал. — Расскажите мне, что стряслось.

— Только конфиденциально, ладно?

— Я его наставник. И духовник. Вы его адвокат. Все сказанное в этой комнате здесь и останется. Идет?

— Согласен.

Клей подробно поведал обо всем, что ему удалось разузнать, в том числе изложил версию случившегося, услышанную от самого Текилы. Официально и по этическим соображениям он не должен был никому раскрывать содержание заявления своего клиента. Но какая уж тут этика? Тэлмадж Экс знал о Текиле Уотсоне неизмеримо больше, чем Клей мог бы узнать когда бы то ни было.

По мере того как Клей разворачивал перед ним цепочку событий, Тэлмадж Экс все больше сникал и наконец закрыл глаза, подняв лицо к потолку, словно хотел узнать у Господа, почему это произошло. Казалось, он глубоко ушел в свои мысли.

Когда Клей закончил, Экс спросил:

— Чем я могу помочь?

— Мне бы хотелось увидеть его личное дело. Он меня уполномочил.

Папка с делом Текилы Уотсона лежала на столе перед Тэлмаджем Эксом.

— Чуть позже, — ответил он. — Сначала поговорим. Что бы вы хотели узнать?

— Начнем с биографии. Откуда он родом?

Тэлмадж, готовый оказать любую помощь, снова смотрел прямо в глаза Клею.

— С улицы, оттуда же, откуда мы все. К нам его направила социальная служба. Безнадежный случай. Никакой семьи, заслуживающей упоминания. Отца он никогда не знал. Мать умерла от СПИДа, когда ему было три года. Воспитывали его, если можно так выразиться, две тетки, он переходил с рук на руки, бывало, его брали в чужую семью на время, мыкался по приютам, не вылезал из судов. Школу бросил. У нас тут все такие. Вы знаете что-нибудь про реабилитационные лагеря?

— Нет.

— К нам попадают самые трудные, закоренелые наркоманы. Мы их запираем на несколько месяцев, и они у нас живут, как в лагере для новобранцев. Нас здесь восемь человек, восемь наставников, и все мы в прошлом наркоманы. Кто однажды пристрастился к зелью, тому нет ходу назад. Но вы должны знать вот что: четверо из нас стали священниками. Я тринадцать лет отдал наркотикам и грабегам, а потом нашел путь к Иисусу. Словом, мы специализируемся по тем юным кокаинистам, которым никто уже не может помочь.

— Только по кокаинистам?

— Кокаин, мистер, — наркотик относительно дешевый, общедоступный, он позволяет им хоть на пару минут забыть о своей паскудной жизни. А стоит начать — и ты уже без него не можешь.

— Он толком ничего не рассказал мне о своих преступлениях.

Тэлмадж Экс открыл дело Текилы Уотсона и перевернул несколько страниц.

— Скорее всего, это потому, что сам толком ничего не помнит. Текила несколько лет провел под кайфом. Вот. Ограбление, угон автомобилей — все, как у всех нас, когда нам удавалось раздобыть дурь. В восемнадцать лет он получил четыре месяца за магазинную кражу. В прошлом году попался на хранении — три месяца. Не самый плохой послушной список для такого, как мы. Никакого насилия.

— Никаких тяжких уголовных?

— Я не вижу ни одного.

— Попробуем это использовать, — сказал Клей. — До некоторой степени это может помочь.

— Звучит так, будто ему ничто уже помочь не может.

— Мне сообщили, что есть по крайней мере два свидетеля. Я не питаю особого оптимизма.

— Он признал свою вину в полиции?

— Нет. Там сказали, что он захлопнулся, как моллюск в раковине, когда его поймали, и вообще ничего не стал говорить.

— Это необычно.

— Да уж, — согласился Клей.

— Похоже на пожизненное без права апелляции, — со знанием дела предположил Тэлмадж Экс.

— Совершенно верно.

— Знаете, мистер Картер, для нас это еще не конец света. Во многих отношениях жизнь в тюрьме лучше, чем жизнь на здешних улицах. Я знаю немало парней, которые сделали бы выбор в пользу первой. Жаль. Текила был одним из немногих, кто в состоянии выкарабкаться...

— Почему вы так считаете?

— Потому что у парня есть голова на плечах. Когда мы его «очистили» и привели в порядок, он был страшно доволен. Впервые в своей взрослой жизни не был под кайфом. Он не знал грамоты — мы стали учить его. Ему нравилось рисовать — мы его всячески

в этом поддерживали. Мы здесь не склонны торжествовать по поводу своих успехов, но Текилой гордились. Он даже подумывал по понятным причинам сменить имя.

— Вы никогда не торжествуете по поводу своих побед?

— Мистер Картер, мы теряем шестьдесят шесть процентов этих ребят — две трети. Они поступают к нам больные, как бродячие псы, с мозгами и организмами, истерзанными кокаином и недоеданием, порой умирающими от дистрофии, с кожей, покрытой коростой, с выпадающими волосами — это самые тяжелые наркоманы округа Колумбия. И мы обеспечиваем им нормальное питание, очищаем организм от наркотиков, прививаем элементарные трудовые навыки. Они встают в шесть утра и дряют палаты перед обходом. В шесть тридцать — завтрак, а потом непрерывное вправление мозгов. С ними работает группа крепких профессионалов, некогда прошедших через все то, через что проходят теперь наши подопечные, так что никакой туфты, извиняюсь за выражение. Им и в голову не приходит мошенничать, потому что мы сами опытные мошенники. Спустя месяца они чисты и горды собой. По жизни за пределами лагеря они не тоскуют, так как ничего хорошего их там не ждет — ни работы, ни семьи, никого, кто их любит. Им легко вправлять мозги, и мы делаем это весьма жестко. Через три месяца, в зависимости от индивидуальности пациента, начинаем отпускать его на час-другой в день на улицу. Девять из десяти возвращаются, потому что им хочется снова оказаться в каморках. Мы держим их здесь год, мистер Картер. Двенадцать месяцев, ни днем меньше. Стараемся дать начатки образования, кое-какие навыки обращения с компьютером. Прилагаем неимоверные усилия, чтобы найти для них работу. Выпуская на свободу, мы молимся за них. Они уходят, и в течение года две трети из них снова садятся на наркотики и оказываются на помойке.

— Вы принимаете их обратно?

— Редко. Если они будут знать, что могут сюда вернуться, им и вовсе удержу не будет.

— А что происходит с оставшейся третью?

— Это именно то, ради чего мы здесь, мистер Картер. Ради этого я и остаюсь их наставником. Эти парни, как я, выживают, прилагая для этого невероятные усилия. Мы побывали в аду и вернулись, и не дай бог никому пройти такой страшный путь. Многие из уцелевших работают с другими наркоманами.

— Сколько человек способен принять лагерь?

— У нас восемьдесят коек — все заняты. Места здесь довольно, чтобы принять вдвое больше, но, как всегда, не хватает денег.

— Кто вас содержит?

— Наш бюджет на восемьдесят процентов состоит из федеральных субсидий, но никогда нет гарантии, что мы получим их и на следующий год. Остальное выклянчиваем у частных фондов. Сколько сил на это уходит, если бы вы знали!

Клей перевернул страницу и что-то записал.

— У Текилы нет каких-нибудь родственников, с которыми я мог бы поговорить?

Пролистав дело, Тэлмадж Экс покачал головой:

— Где-то есть у него тетка, но не питайте особых надежд. Даже если вам удастся найти ее, чем она сможет помочь?

— Скорее всего, ничем. Но парню было бы приятно увидеть родственницу.

Тэлмадж Экс продолжал листать дело, словно хотел что-то найти. Клей подозревал, что он ищет записи или документы, которые следовало изъять, прежде чем передать ему папку.

— Когда я смогу с этим ознакомиться? — спросил он.

— Завтра вас устроит? Мне нужно сначала просмотреть дело.

Клей пожал плечами: если Экс сказал завтра — значит, завтра.

— Хорошо. Мистер Картер, я так и не понял мотива. Почему он это сделал?

— Я тоже не понял. Думал, вы мне объясните. Вы же наблюдали за ним почти четыре месяца. Он ведь никогда не совершал насилия, не имел дела с оружием, не был предрасположен к дракам. Похоже, он вообще был примерным пациентом. Вы всякого навидались. Так скажите же мне — почему?

— Да уж, навиделся я многого, — согласился Тэлмадж Экс, и взгляд его сделался еще печальнее. — Но такого видеть не приходилось. Этот парень боялся какого бы то ни было насилия. Мы здесь никаких драк не допускаем, но мальчишки есть мальчишки, и кое-какие ритуалы устрашения чтут свято. Текила был одним из самых слабых. Не могу себе представить, чтобы, выйдя отсюда, он украл пистолет, выбрал случайную жертву и застрелил. Также не могу себе представить, чтобы он набросился на кого-то из сокамерников и избил его до такого состояния, что того пришлось отправить в больницу. Я в это просто не верю.

— Ну так что же мне сказать присяжным?

— Каким присяжным? Он признает свою вину, вы же сами понимаете, и останется в тюрьме до конца жизни. Уверен, там он встретит немало знакомых.

Последовала долгая пауза, которая, похоже, ничуть не смутила Тэлмаджа Экса. Он закрыл папку и отодвинул на край стола. Встреча подходила к концу, но посетителем был Клей, и закончить ее должен был он.

— Так я приеду завтра, — сказал он. — В какое время?

— После десяти, — ответил Тэлмадж Экс. — Я вас провожу.

— В этом нет необходимости, — вежливо заметил Клей, хотя на самом деле был счастлив.

Банда, дежурившая на улице, заметно разрослась и, судя по всему, ждала, когда адвокат выйдет из здания. Они облепили его «аккорд», слава богу, пока стоявший на месте целехоньким. Но какую бы каверзу они ни задумали, при виде Тэлмаджа Экса все планы были моментально забыты. Стоило тому лишь качнуть головой, как банда рассеялась. Спеша покинуть неприветливые края, Клей с ужасом подумал о том, что завтра придется сюда вернуться.

Проехав кварталов восемь, он нашел Леймонт-стрит, остановился на пересечении с Джорджия-авеню и быстро огляделся. Аллей, в которых кто угодно мог убить кого угодно, тут было хоть отбавляй, а он вовсе не искал приключений на свою голову. Район был таким же мрачным, как тот, откуда он только что уехал. Чтобы осмотреться и порасспрашивать местных жителей, лучше приехать сюда попозже с Родни, чернокожим параюристом, хорошо знающим законы улицы.

Глава 5

Загородный клуб «Потомак» в Маглине, штат Виргиния, был основан сто лет назад группой богачей, отвергнутых другими клубами. Богатая публика может стерпеть многое, но только не отказ быть принятой где бы то ни было. Отверженные вбухали в «Потомак» немалые деньги и выстроили самый шикарный клуб во всем округе Колумбия. Они переманили к себе нескольких сенаторов, заполучили в качестве трофеев еще кое-кого из высокопоставленных деятелей, и уже через короткое время «Потомак» приобрел — точнее, купил себе — респектабельность. Как только в клубе собралось достаточное количество

членов, чтобы он мог сам себя обеспечивать, вступила в силу традиционная процедура исключения. Хотя клуб все еще считался относительно новым, выглядел и действовал он так же, как давно основанные клубы с традициями.

Одним он тем не менее существенно отличался от других: «Потомак» никогда не скрывал, что членство здесь можно откровенно купить, если у человека достаточно денег. Никакого «листа ожидания», никаких «фильтрационных» комитетов, никакого тайного голосования членов правления. Даже если вы новичок в округе, даже если стали богатым лишь вчера, престижный статус члена «Потомака» вы могли получить всего за день, выписав достаточно солидный чек. В результате «Потомак» располагал роскошными полями для гольфа, теннисными кортами, бассейнами, конюшнями, рестораном — то есть всем, о чем может мечтать загородный клуб.

Насколько мог понять Клей, Беннет Ван Хорн выписал чек на весьма приличную сумму. Как бы ни презирал его Клей, следовало признать: его собственные родители не имели денег, необходимых, чтобы быть принятыми в «Потомак». Восемнадцать лет назад его отец вел дело против Беннета в связи с недобросовестными манипуляциями недвижимостью в Александрии. В те времена Беннет был риелтором, весьма высокомерным в общении, но при этом погрязшим в долгах, лишь ничтожная часть его имущества была свободна от залога. И тогда он отнюдь не являлся членом загородного клуба «Потомак», хотя теперь делал вид, будто родился в нем.

Золотой дождь пролился на Беннета-Бульдозера в конце восьмидесятых, когда он начал завоевание холмистой части Виргинии. Сделки посыпались как из рога изобилия. Появились партнеры. Не он придумал

подсечно-огневой метод освоения территорий,
42 но он, несомненно, его усовершенствовал. На

девственных холмах он построил широкие молы. Возле мемориального поля сражений — жилой комплекс. Сравнил с землей целую деревню, чтобы осуществить на этом месте гигантскую плановую застройку — кондоминиумы, многоквартирные дома, большие здания, маленькие здания, в центре — парк с мелководным прудом и двумя теннисными кортами и небольшой торговый центр, который очень мило выглядел на архитектурном плане, однако так и не был сооружен. Забавно, но начисто лишенный чувства юмора Беннет невольно давал остроумные названия своим накромянным как бог на душу положит строительным объектам, используя описания тех пейзажей, которые сам безжалостно истреблял, — Холмистые луга, Шелестящие дубы, Горный лес и тому подобное. Объединившись с другими мастерами захвата территорий, он лоббировал их общие проекты в Ричмонде, в законодательных органах, выколачивая деньги на все новые дороги, чтобы можно было понастроить еще больше жилых комплексов и пустить сюда еще больше машин. В процессе своей деятельности он стал фигурой в политической игре, а его «я» раздулось до масштабов несоразмерных.

В девяностые годы корпорация БВХ стремительно разрасталась, и доходы, пусть ненамного, превосходили выплаты по кредитам. Они с женой Барб купили дом в престижном районе Маклина, вступили в «Потомак», стали завсегдатаями и изо всех сил старались создать впечатление, будто всегда были богачами.

В 1994 году, согласно архивным документам министерства внутренних дел, которые Клей усердно проштудировал и с которых снял копии, Беннет решил преобразовать свою корпорацию в открытое акционерное общество, чтобы собрать двести миллионов долларов. Он собирался использовать эти деньги на покрытие некоторых долгов, но что гораздо важнее — 43

«...инвестировать их в грядущие безграничные возможности северной Виргинии». Иными словами, пустить по штату еще больше бульдозеров и тем же подсечно-огневым методом «освоить» оставшиеся нетронутыми территории. План Ван Хорна при наличии подобной суммы, без сомнения, воодушевил местных торговцев строительной техникой. Местные же власти он должен был насторожить, если бы те не спали.

Благодаря почину солидного инвестиционного банка цена на акции корпорации БВХ взлетела до 10 долларов, а потом достигла пика в 16 долларов 50 центов — неплохой результат, хотя далеко не тот, что предсказывал ее основатель и президент. За неделю до того как пустить акции в общедоступную продажу, Ван Хорн хвалился в местной деловой газетенке «Дейли профит», будто «...ребята с Уолл-стрит не сомневаются, что цена на них скоро достигнет сорока долларов за штуку». Однако на общенациональном рынке акции стали быстро падать и с громким стуком шлепнулись на отметке шесть долларов. Беннет по глупости и жадности не скинул часть акций по демпинговым ценам, как делают разумные предприниматели. Он продолжал сидеть на своих четырех миллионах акций и наблюдать, как их рыночная стоимость из шестидесяти шести миллионов долларов превращалась почти в ничто.

Каждое буднее утро Клей просто развлечения ради проверял котировки. В последний раз за акцию БВХ давали восемьдесят семь центов.

«Как идут ваши акции?» — Клей давно мечтал задать Беннету этот вопрос, несомненно, прозвучавший бы как пощечина, но не хватало духу.

«Может, сегодня решусь», — думал он, подъезжая к «Потомаку». В свете вероятного брака обсуждать за обеденным столом неудачи Клея считалось в порядке вещей. Но не неудачи мистера Ван Хорна! «Привет,

Беннет, поздравляю: ваши акции поднялись на двенадцать центов за последние два месяца, — произнесет он вслух. — Большой успех, старина! Пора подумать о новом «мерседесе!» Как бы хотелось Клею сказать это ему в лицо.

Чтобы не платить чаевых парковщику, Клей оставил свой «аккорд» на дальней стоянке, за теннисными кортами. Подходя к воротам и не переставая что-то бубнить себе под нос, он подтянул галстук. Клей ненавидел это место, ненавидел из-за всех этих старых задниц — членов клуба, ненавидел за то, что не мог сам стать его членом, ненавидел, потому что это была территория Ван Хорнов и они всегда давали понять, что он здесь находится не по праву. Каждый день Картер по сто раз спрашивал себя, как его угораздило влюбиться в девушку, у которой такие гнусные родители. Если у него и был план будущего, то состоял он в том, чтобы тайно бежать с Ребеккой в Новую Зеландию, подальше от Бюро государственных защитников и, главное, от ее семейки.

Ледяной взгляд метрессы явно говорил: «Не думайте, будто я не знаю, что вы не член клуба, но так уж и быть, провожу вас за столик». Вслух, вымучив подобие улыбки, она произнесла:

— Следуйте за мной.

Клей ничего не ответил, лишь громко сглотнул и, не глядя по сторонам, направился к столику, стараясь не обращать внимания на ком, вставший в желудке. Как он мог наслаждаться едой в подобной обстановке? Они с Ребеккой ужинали здесь дважды — один раз с мистером и миссис Ван Хорн, другой — без них. Кормили здесь дорого и весьма вкусно. Впрочем, Клей, привыкший к индейке, разогретой в микроволновке, едва ли мог оценить здешнюю кухню по достоинству и понимал это.

Беннета за столом не было. Клей притворно-радушно обнял миссис Ван Хорн — ритуал, который ненавидели оба, — и бодро провозгласил:

— С днем рождения!

Потом клюнул Ребекку в щеку. Столик был одним из лучших, с видом на зеленую площадку вокруг восемнадцатой лунки, — очень престижное место в этом зале, потому что можно было угодить за столик, откуда оставалось лицезреть лишь, как старперы в спортивных костюмах толкуются на стартовом пятачке, не в состоянии преодолеть лунку с двух шагов.

— А где мистер Ван Хорн? — поинтересовался Клей в надежде, что того нет в городе или — чем черт не шутит — он попал в больницу с каким-нибудь тяжелым заболеванием.

— Сейчас приедет, — сообщила Ребекка.

— Он провел весь день в Ричмонде, встречался с губернатором, — важно добавила миссис Ван Хорн. Дамы были несносны. Клею захотелось крикнуть: «Ладно, ладно, вы победили! Мое положение вашему не чета».

— Над чем он сейчас работает? — вместо этого вежливо поинтересовался Клей, в который раз поражаясь собственной способности умело изображать искренность. На самом деле он прекрасно знал, зачем Бульдозер ездил в Ричмонд. Штат был на грани разорения и не мог позволить себе прокладку новых дорог на севере Виргинии, а Беннет со своей братией требовали продолжать строительство. Северная Виргиния — это голоса избирателей. Законодатели подумывали о проведении местного референдума по вопросу о налогах с оборота, тогда города и округа, расположенные вблизи округа Колумбия, смогли бы строить собственные автострады. Больше дорог, больше кондоминиумов, больше торговых центров, больше машин — больше денег для чахнувшей корпорации БВХ.

— Что-то связанное с политикой, — ответила Барбара. Вероятно, она и впрямь не знала, что именно ее супруг обсуждал с губернатором. Клей сом-

невался даже, что она знает, какова сейчас стоимость акций БВХ. Четко она помнила лишь дни, по которым собирается ее бридж-клуб, и то, что Клей зарабатывает мало денег, остальное предоставляла Беннету.

— Как прошел день? — спросила Ребекка, мягко, но поспешно уводя разговор в сторону от политики. Два или три раза при разговоре с ее родителями Клей употребил словосочетание «варварская застройка», после чего их отношения стали еще более напряженными.

— Как обычно, — ответил он. — А у тебя?

— Завтра слушания, так что сегодня все стояли на ушах.

— Ребекка сказала, вы получили новое дело об убийстве, — вставила Барбара.

— Да, это правда, — подтвердил Клей, подумав: интересно, какие еще аспекты его деятельности в качестве государственного защитника они могли бы обсудить? Перед обеими дамами стояли бокалы с белым вином, уже наполовину опустошенные. Когда он вошел, они о чем-то спорили, вероятно о нем. Или он излишне подозрителен? Может быть...

— Кто ваш клиент? — поинтересовалась Барб.

— Уличный парнишка.

— А кого он убил?

— Такого же уличного парня.

Это ее немного успокоило: черные убивают черных. Кому какое дело, если они даже все перебьют друг друга?

— Он действительно убил его?

— Пока не было суда, действует презумпция невиновности. Таков закон.

— То есть он действительно убийца.

— Похоже на то.

— Как вы можете защищать подобных людей? Если вы знаете, что человек виновен, как можно прилагать усилия, чтобы вытащить его?

Ребекка сделала большой глоток и решила на этот раз не вмешиваться. Она вообще в последние месяцы все реже приходила ему на помощь, и Клея начала точить мысль, что, какой бы волшебной ни была жизнь с ней, ее родители способны превратить все в сплошной кошмар.

— Наша конституция гарантирует каждому обвиняемому адвоката и справедливый суд, — снисходительно, словно дурочке, пояснил он. — Я всего лишь выполняю свою работу.

Барбара закатила глаза и посмотрела через окно на лужайку. Многие дамы из «Потомака» прибегали к услугам пластической хирургии, коньком которой, видимо, было придание любому лицу сходства с азиатским типом. Хоть морщины действительно исчезали, но после второй операции уголки глаз оттягивались к вискам так, что взгляд становился чудовищно неестественным. Старушка Барб постоянно делала подтяжки, утяжки, пользовалась всеми мыслимыми лифтинг-кремами и прочими косметическими средствами, без разбору подвергала себя нехирургическим омолаживающим процедурам, но все это без какого бы то ни было продуманного плана, так что желанного преобразования не наблюдалось.

Ребекка сделала еще один большой глоток. Когда они впервые обедали здесь с ее родителями, она скинула под столом туфлю и кончиками пальцев гладила ногу Клея, словно хотела сказать: «Пошлем к черту этот кабак и смоемся». Сегодня все было не так. Ребекка была холодна, выглядела озабоченной. Клей прекрасно знал, что ее беспокоят вовсе не бессмысленные слушания, на которых придется завтра скучать. Причина находилась здесь, за столом, и он подумал: не собрались ли они наконец открыть все карты, устроив конференцию по вопросу об их с Ребеккой будущем?

Беннет подошел к столу запыхавшись, рассыпаясь в неискренних извинениях по поводу своего

опоздания. Он похлопал Клея по спине, словно они были членами одного студенческого братства, и поцеловал своих девочек в щеки.

— Ну, как твоя встреча с губернатором? — проговорила Барб так, чтобы ее вопрос услышали даже в противоположном конце зала.

— Замечательно. Передает тебе привет. На следующей неделе в город прибывает корейский президент. Губернатор пригласил нас на официальный прием, который он устраивает в своей резиденции, — сообщил БВХ, тоже, разумеется, в полный голос.

— Что ты говоришь?! — с преувеличенным энтузиазмом воскликнула Барбара, состроив гримасу восторга на своем в очередной раз перекроенном лице.

Среди корейцев она бы выглядела своей на все сто, подумалось Клею.

— Ожидается большой загул. — Беннет покачал головой, доставая из карманов и раскладывая на столе набор мобильных телефонов. Не прошло и минуты, как у него за спиной появился официант с традиционным двойным скотчем. В стакане, как любил Беннет, плавал только один небольшой кусочек льда.

Клей заказал чай со льдом.

— Как поживает мой конгрессмен? — почти проорал Ребекке через стол Беннет и, скосив глаза, проверил, услышала ли его пара, сидевшая за соседним столиком: у меня есть свой конгрессмен, знай наших!

— Прекрасно, папа. Очень занят, но просил передать тебе привет.

— Ты выглядишь усталой, детка. Был трудный день?

— Да нет, ничего.

Ван Хорны дружно отпили из бокалов. Усталость Ребекки была любимой темой разговоров ее родителей. Они считали, что девочка слишком много работает. Предпочитали, чтобы она не работала во-

все. «Девочка» приближалась к тридцатилетнему рубежу, ей пора было выйти замуж за достойного молодого человека с хорошо оплачиваемой службой и блестящим будущим, чтобы родить им внуков и провести остаток жизни в клубе «Потомак».

Клею было бы начхать на то, что они там считали и предпочитали, если бы сама Ребекка не мечтала о том же самом. Когда-то она поговаривала о карьере госслужащей, но, проведя четыре года на Капитолийском холме, досыта наелась бюрократии. Она хотела мужа, детей и большой дом в пригороде.

Принесли меню. Беннету позвонили. Не выходя из-за стола, он весьма грубо начал говорить с кем-то, словно финансовая безопасность Америки — ни больше ни меньше — висела на волоске. Явно срывалось какое-то дельце.

— Что мне надеть? — спросила Барбара у Ребекки, воспользовавшись моментом, когда Клей якобы углубился в меню.

— Что-нибудь новенькое, — посоветовала Ребекка.

— Ты совершенно права, — охотно согласилась Барб. — Давай в субботу пройдемся по магазинам.

— Отличная идея.

Беннету, судя по всему, удалось спасти положение, и они сделали заказ, после чего глава семьи соизволил ознакомить их с подробностями разговора: банк проявляет нерасторопность, ему, Беннету, придется их подстегнуть и так далее и тому подобное. Он распространился об этом, пока не принесли салаты.

Немного поев, Беннет с полным, как обычно, ртом сообщил:

— В Ричмонде я обедал со своим близким другом Йеном Ладкином, спикером палаты. Тебе бы понравился этот парень, Клей, — выдающийся деятель.

50 И настоящий виргинский джентльмен.

Клей прожевал и кивнул с таким энтузиазмом, словно не мог дождаться встречи с другом Беннета.

— Но не в этом дело. Йен мне кое-чем обязан, там многие мне обязаны. Вот я и прозондировал один вопрос.

Клей не сразу заметил, что обе дамы перестали жевать, положили вилки и замерли.

— Какой вопрос? — спросил Клей, поскольку все, видимо, ожидали, чтобы он что-нибудь сказал.

— Я рассказал ему о тебе, Клей: блестящий молодой юрист, хваткий, трудолюбивый, выпускник Джорджтаунского университета, красивый молодой человек с твердым характером. И он сказал, что всегда рад дать шанс новому дарованию — одному богу известно, как трудно его найти, — и что как раз сейчас у него открывается новая ставка. Я ответил, что не знаю, заинтересует ли тебя это предложение, но с удовольствием передам его тебе. Ну, что думаешь?

«Думаю, меня обложили, как медведя в берлоге!» — чуть не вырвалось у Клея. Ребекка неотрывно смотрела на него, пытаясь определить его первую реакцию.

В соответствии со сценарием Барб произнесла:

— Похоже, прекрасное предложение.

Талантливый, блестящий, трудолюбивый, хорошо образованный, даже красивый. Клея позабавило, как быстро вдруг выросли его акции.

— Это интересно, — признался он отчасти даже честно, поскольку все было действительно интересно в этом действе.

Беннет тут же ухватился за его реплику. На его стороне, разумеется, было преимущество внезапности.

— Потрясающее место. Очень интересная работа. Ты там будешь иметь дело с сильными мира сего. Скучать не придется ни минуты. Конечно, нужно будет попотеть, особенно во время парламентских сес-

сий, но я сказал, что у тебя широкие плечи и огромное чувство ответственности. На тебя можно положиться.

— А чем именно я буду там заниматься? — с трудом сумел вставить Клей.

— Ну, я этих ваших юридических тонкостей не знаю. Но Йен сказал, что, если предложение тебя заинтересует, он охотно с тобой побеседует. Однако место горящее. По его словам, резюме кандидатов льются рекой. Так что надо шевелиться.

— Ричмонд — это не так далеко, — вставила Барб.

Да уж, это черт знает насколько ближе, чем Новая Зеландия, с сожалением подумал Клей. Барб уже планировала свадьбу. Мысли Ребекки оставались для него загадкой. Иногда она задыхалась от родительской опеки, но редко выказывала какое бы то ни было желание уйти из семьи. Беннет использовал свои деньги, если у него действительно еще что-то оставалось, как приманку, чтобы удерживать дочерей.

— Что ж... думаю, я должен вас поблагодарить, — сказал Клей, сутулясь под тяжестью своих новообретенных «широких плеч».

— Начальное жалованье девяносто четыре тысячи в год, — сообщил Беннет, на октаву, а то и на две понизив голос, чтобы этого за соседними столиками не услышали.

Девяносто четыре тысячи. Более чем в два раза выше нынешней зарплаты Клея, и он отдавал себе отчет в том, что всем сидящим за столом это известно. Ван Хорны боготворили деньги и были одержимы разговорами о жалованьях и состояниях.

— Ух ты! — отреагировала на сообщение Барб.

— Приличная зарплата, — признал Клей.

— Для начала неплохо, — согласился Беннет. — Йен говорит, ты сможешь познакомиться с крупнейшими адвокатами города. Наладишь связи и все такое.

52 Покрутишься там несколько лет и проторишь

себе дорожку в корпоративную адвокатуру. Вот где крутятся большие деньги, скажу я тебе!

Клею не понравилось, что Беннет Ван Хорн взялся планировать остаток его жизни. Планирование это, разумеется, не имело никакого отношения к самому Клею — только к Ребекке.

— От таких предложений не отказываются, — подстрекательски заметила Барб.

— Мама, не дави, — осадила ее Ребекка.

— Такая прекрасная возможность! — не унималась Барб, будто Клей и сам этого не понимал.

— Ну что ж, обмозгуй, взвесь все, — заключил Беннет. Дар был презентован, оставалось посмотреть, хватит ли у мальчика ума толково им распорядиться.

Клей набил рот салатом, чтобы иметь предлог не отвечать, и лишь кивал. Принесли второй стакан виски, тему сочли исчерпанной. Беннет стал пересказывать последние ричмондские сплетни насчет вероятности предоставления профессиональным бейсбольным командам округа Колумбия новых финансовых льгот, это была одна из его любимых тем. Он был третьестепенным участником одной из трех инвестиционных групп, которые плели махинации вокруг этого дела в расчете на большой куш, и, оказавшись в курсе самых последних новостей, чуть не лопался от самодовольства. Согласно недавней статье в «Пост», группа, в которую входил БВХ, находилась на последнем месте и с каждым месяцем теряла позиции. Их финансы были сомнительными, положение, по свидетельству неназванного источника, весьма ненадежным, а имя Ван Хорна в публикации даже не упоминалось. Клей знал, что у того колоссальные долги. Несколько проектов было приостановлено благодаря усилиям защитников окружающей среды, пытавшихся сохранить хоть то, что еще осталось от северной Виргинии. Против бывших партнеров

Ван Хорна были поданы судебные иски. Акции компании практически ничего не стоили. Тем не менее этот человек сидел, вальяжно развалившись, потягивая свой скотч и разглагольствуя о новом стадионе за четыреста миллионов, двухстах миллионах долларов прибыли по льготному контракту и по меньшей мере ста миллионах чистого заработка.

Стейки принесли, когда с салатами уже было покончено, что стоило Клею еще нескольких минут вынужденного мучительного разговора, поскольку рот набить оказалось нечем. Ребекка не обращала на него никакого внимания, он на нее, разумеется, тоже. Схватка была впереди.

Пошли в ход истории про губернатора, близкого друга, который со всем своим аппаратом изготовился к сенатским выборам и, разумеется, хотел, чтобы Беннет принимал в кампании самое активное участие. Было упомянуто несколько животрепещущих дел. Поговорили о новом самолете, впрочем, о покупке речь шла уже давно. По словам Беннета, он просто не мог найти того, что хотел. Ужин был рассчитан часа на два, но уже через полтора все, дружно отказавшись от десерта, начали собираться.

Клей поблагодарил Беннета и Барб и еще раз пообещал не откладывая обдумать перспективу работы в Ричмонде.

— Это твой жизненный шанс, — мрачно предупредил Беннет. — Не упusti его.

Убедившись, что родители ушли, Клей пригласил Ребекку зайти на минутку в бар. В ожидании заказа оба хранили гробовое молчание. Так между ними повелось: когда ситуация оказывалась напряженной, каждый ждал, чтобы первым заговорил другой.

— Я ничего не знала о предложении работать в Ричмонде, — начала она.

— Трудно поверить. Выглядело так, будто вся семейка заодно. Уж матушка-то твоя точно была в курсе дела.

— Отец всего лишь проявляет заботу о тебе, вот и все.

«Твой отец — идиот!» — хотелось выкрикнуть Клею.

— Нет, он проявляет заботу о тебе. Не может допустить, чтобы ты вышла замуж за охламона, у которого нет будущего, вот и строит это будущее вместо нас. Тебе не кажется, что это бесцеремонно — подыскивать для меня новую работу, поскольку моя нынешняя ему не нравится?

— Может, он просто хочет помочь? Ему нравится роль благодетеля.

— Но почему он решил, что я нуждаюсь в помощи?

— А ты разве не нуждаешься?

— Ясно. Наконец и ты раскололась.

— Клей, не можешь же ты работать в этом бюро веч-но. Ты прекрасно делаешь свою работу и хорошо относишься к клиентам, но, может, пора двигаться дальше? Пять лет в БГЗ — многовато. Сам говорил...

— А если я не хочу жить в Ричмонде? Если я никогда не думал уезжать из ОК? Если я не желаю работать под началом одного из закадычных дружков твоего отца? Ты можешь допустить, что идея оказаться в компании местных политиков меня не вдохновляет? Я юрист, Ребекка, а не бумажная крыса.

— Прекрасно. Как хочешь.

— Это предложение — ультиматум?

— В каком смысле?

— Во всех. Что будет, если я откажусь?

— Полагаю, ты уже отказался, что вообще-то весьма характерно для тебя — принимать скороспелые решения.

— Когда выбор очевиден, принятие решения не требует времени. Я сам нахожу себе работу и не прошу твоего отца об одолжениях. Но все же что будет, если я скажу «нет»?

— О, я уверена, что солнце не перестанет всходить.

— А твои родители?

— Они, несомненно, будут разочарованы.

— А ты?

Ребекка пожала плечами и отхлебнула из бокала. Они неоднократно затевали разговор о свадьбе, но так ни к чему и не пришли. Никакой помолвки не было, и, разумеется, срок не был определен. Предполагалось, что, если кто-то захочет улизнуть, проход, весьма узкий, правда, всегда открыт. Но после четырех лет, в течение которых они, во-первых, встречались только друг с другом, во-вторых, постоянно уверяли друг друга во взаимной любви и, в-третьих, имели интимную близость не реже пяти раз в неделю, дело само собой двигалось к обретению официального статуса.

Однако Ребекка никак не желала признать, что мечтает отдохнуть от работы, обрести мужа, семью, а там, быть может, и вовсе отказаться от карьеры. Они продолжали соперничать в том, кто важнее. Ей не хотелось давать ему понять, что она мечтает стать просто женой.

— Мне все равно, Клей, — сказала Ребекка. — В конце концов, это всего лишь деловое предложение, а не правительственное назначение. Не хочешь — не надо.

— Большое спасибо, — ответил Клей, но внезапно ему пришло в голову: а вдруг Беннет и впрямь просто хотел помочь? Клей так не любил родителей Ребекки, что все в них раздражало его и вызывало подозрения. Но это его проблема, не так ли? Они имели полное право беспокоиться за будущее мужа своей дочери и отца своих внуков. К тому же, нехотя признался себе Клей, кого бы не беспокоил такой парень, как он, в качестве зятя?

— Пойдем отсюда, — предложила она.

— Конечно.

По дороге к выходу он чуть было не открыл рот, чтобы попроситься к ней в гости ненадолго, но, на

блюдая за выражением лица Ребекки, понял, что получит отказ, причем, судя по настроению, в котором Ребекка пребывала весь вечер, весьма резкий. Тогда он и вовсе окажется в дураках и не сможет сдержаться. Впрочем, именно этого ему сейчас и хотелось: дать себе волю. Картер сделал глубокий вдох, стиснул зубы и переждал момент.

Но когда он открыл дверцу ее «БМВ», она прошептала:

— Почему бы тебе не заглянуть ко мне на минутку?

И Клей опрометью бросился к своей машине.

Глава 6

В обществе Родни он чувствовал себя немного увереннее, к тому же в девять часов утра даже Леймонт-стрит — сравнительно безопасное место; слишком раннее время для подозрительных типов. Те еще спали, одурманенные отравой, которую удалось раздобыть накануне — кому какую. Торговцы тоже только-только пробуждались. Клей припарковал машину неподалеку от злосчастной аллеи.

Родни был штатным параюристом БГЗ. Он учился на вечернем отделении юридического факультета уже лет десять, но не оставлял надежды когда-нибудь все же получить диплом и перейти в иное качество. Однако при наличии четверых подростков на иждивении ни денег, ни времени на решение профессиональных проблем катастрофически не хватало. Проведя детство на улицах города, он хорошо их знал. Немалая часть его рабочего времени уходила на то, чтобы по просьбе кого-нибудь из адвокатов, чаще всего белого, не слишком опытного и испытывающего непреодолимый страх, сопровождать его или ее в «стан врага» на предмет расследования очередного гнусного преступления.

Поскольку он был служащим, а не следователем, это не входило в его обязанности, и от-

казывался он не реже, чем соглашался. Но Клею шел навстречу всегда и вместе с ним работал над многими делами. Вот и сейчас они вдвоем нашли то место аллеи, где Рамон упал, сраженный пулей, тщательно обследовали его, хотя знали, что полиция не раз уже все здесь прочесала, и, отщелкав целую пленку, отправились на поиски свидетелей.

Таковых не оказалось, чтонисколько не удивило обоих. За те пятнадцать минут, что Клей и Родни провели на месте преступления, весть об их прибытии успела разнестись по округе. Раз появились чужаки, разнюхивающие все, что связано с последним убийством, следовало запереть двери и держать рот на замке. Свидетели, двое мужчин, обычно дни напролет сидевшие здесь на молочных ящиках, потягивая дешевое вино и никуда не спеша, без следа исчезли. Торговцы делали вид, будто ни о каком убийстве слыхом не слыхивали.

— Здесь?! — удивленно воскликнул один из них, словно преступность в их районе была в диковинку.

Без толку пробродив около часа, Клей и Родни отправились в реабилитационный лагерь. Клей вел машину, Родни потягивал холодный кофе из высокого картонного стакана — судя по выражению его лица, напиток был отвратительный.

— Жермен несколько дней назад получил такое же дело, — сказал он. — Мальчишка, пробывший в лагере несколько месяцев, каким-то образом вышел на улицу — не знаю, отпустили его или сбежал, но в течение суток он раздобыл пистолет и напал на двух человек, одного убил.

— Случайные жертвы?

— Кого здесь можно считать случайными жертвами? Двое парней в незастрахованных машинах слегка тюкнулись и открыли пальбу. Что это, случайность

58 или закономерность?

— Что там было — наркотики, ограбление, самозащита?

— Случайность, думаю.

— В каком лагере его держали?

— Это был даже не лагерь. Некое заведение возле «Хауарда»*, кажется. Я еще не видел бумаг. Ты же знаешь, Жермен нетороплив.

— Значит, ты еще не работаешь по этому делу?

— Нет. Просто слышал краем уха.

Родни был в курсе всех слухов и сплетен, он знал об адвокатах БГЗ и их делах больше, чем сама Гленда. Когда они повернули на Дабл-Ю-стрит, Клей спросил:

— Ты раньше бывал в этом лагере?

— Разок-другой приходилось. Здесь держат самых трудных, последняя остановка перед кладбищем. Мрачное место, и работают здесь мрачные ребята.

— А с джентльменом, которого зовут Тэлмадж Экс, ты знаком?

— Нет.

Клей припарковал машину перед домом, и они поспешили внутрь. Экса не оказалось на месте, он отбыл в больницу по какому-то срочному делу. Его коллега по имени Ноланд любезно представился, сказав, что является руководителем группы наставников. Проводив посетителей в свой кабинет, он положил на маленький стол дело Текилы Уотсона и разрешил с ним ознакомиться. Клей поблагодарил, уверенный, что из папки уже изъяты все документы, не предназначенные для посторонних глаз.

— По нашим правилам я обязан оставаться здесь, пока вы будете знакомиться с материалами, — объяснил Ноланд. — Если понадобятся копии, каждая стоит двадцать пять центов.

* Сеть недорогих ресторанов при автомагистралях в зонах отдыха.

— Разумеется, — согласился Клей. Правило так правило. Он не сомневался, что, получив постановление суда, сможет изъять личное дело целиком, если оно ему потребуется. Ноланд занял место за столом, на котором громоздилась внушительная стопка бумаг. Клей начал листать документы. Родни делал записи.

История Текилы оказалась печальной и банальной. Парень был направлен в лагерь социальной службой в январе, после того как его едва спасли от передозировки. Вес — сто двадцать один фунт, рост — пять футов десять дюймов. Врач провел первоначальный медицинский осмотр. Небольшая температура, озноб, головная боль — состояние, не очень типичное для наркомана. Кроме недостаточного веса, легкой простуды и изъеденного наркотиками организма, по заключению врача, ничего примечательного обнаружено не было. Как и остальных, Уотсона посадили под замок на тридцать суток и принялись откармливать.

Согласно записям Экса, падение Текилы на дно жизни началось в восьмилетнем возрасте, когда они с братом украли ящик пива с грузовика, развозившего продукты. Половину выпили сами, другую продали, а на вырученные деньги купили галлон дешевого вина. Текилу постоянно выгоняли из разных школ, и лет в двенадцать, открыв для себя наркотики, он к ним сразу пристрастился. Средства для выживания добывал воровством.

Начав употреблять наркотики, он начисто потерял память, так что о последних годах его жизни точно не было известно почти ничего. Экс приложил немало усилий, чтобы разузнать хоть что-нибудь, в деле хранилось несколько писем и распечаток электронных сообщений, фиксировавших те или иные остановки на этом скорбном пути. В возрасте четырнадцати лет Текила провел
60 месяц в камере предварительного заключения
 округа Колумбия. Потом — Центр временного

содержания малолетних преступников. Не успев выйти за ворота, Текила напрямик направился к дилеру и купил кокаин. Два месяца в Очард-Хаусе — печально известном заведении для несовершеннолетних наркоманов — тоже мало помогли. Текила признался Тэлмаджу Эксу, что там употреблял не меньше наркотиков, чем на воле. В шестнадцать лет он попал в «Клин-Стритс» — нештучное заведение для таких, как он, очень похожее на здешний реабилитационный лагерь. Запись, сделанная Эксом, гласила: «...через два часа после выхода он уже был под сильным воздействием наркотика». Суд по делам несовершеннолетних приговорил Уотсона к содержанию в летнем лагере для трудных подростков, когда ему исполнилось семнадцать, но строгого надзора там не было, и Текила зарабатывал тем, что продавал наркотики друзьям по несчастью. Последнюю перед здешним лагерем попытку отучить его от зависимости предпринял преподобный Джолли, настоятель церкви Грейсон, известный борец за души наркоманов, руководивший соответствующей программой реабилитации. В письме, полученном Тэлмаджем Эксом от преподобного Джолли, выражалось мнение, что Текила — один из тех трагических случаев, которые можно считать «практически безнадежными».

Но какой бы печальной ни представлялась эта биография, в ней не было и намека на насилие. Пять раз Текилу арестовывали и признавали виновным в грабежах, один раз — в магазинной краже, дважды — в незаконном хранении незначительного количества наркотиков. При этом Уотсон никогда не прибегал к оружию, во всяком случае, ни разу не был уличен. Факт не прошел мимо внимания Экса, который на тридцать девятый день пребывания Текилы в лагере сделал запись: «... склонен избегать малейшей угрозы физического столкновения. Судя по всему, испытывает неподдельный

страх перед более сильными, равно как и перед большинством слабых».

На сорок пятый день Текила снова прошел медицинский осмотр. Его вес пришел в норму. Кожа очистилась от «...коросты и сыпи». Он делал успехи в учебе, интересовался искусством. День за днем записи становились короче. Жизнь Текилы в лагере входила в обычное русло. На некоторые дни вообще не приходилось никаких записей.

А вот на восьмидесятый день запись оказалась примечательной: «Он осознает: для того чтобы оставаться чистым, ему необходимо духовное руководство. Сам боится не справиться. Говорит, что хотел бы остаться в лагере навсегда».

День сотый: «Мы отпраздновали сотый день шоколадно-ореховыми пирожными и мороженым. Текила произнес небольшую речь. Он плакал. В качестве поощрения ему разрешили двухчасовую прогулку вне лагеря».

День сто четвертый: «Отпущен на два часа. Ушел и вернулся через двадцать минут с фруктовым мороженым на палочке».

День сто седьмой: «Послан на почту, спустя час вернулся».

День сто десятый: «Двухчасовая прогулка прошла без эксцессов».

Последняя запись относилась к сто пятнадцатому дню: «Был отпущен на два часа, не вернулся».

По мере того как защитники листали страницы, Ноланд все внимательнее наблюдал за ними.

— Есть еще вопросы? — спросил он так, словно давал понять, что у него уже отняли достаточно времени.

— Грустная история, — заключил Клей, с глубоким вздохом закрывая папку. У него было много вопросов, но это были не те вопросы, на которые мог — или захотел бы — ответить Ноланд.

— Даже в нашем несчастном мире, мистер Картер, это одно из самых скорбных мест. Я не слезлив, но Текила заставил меня плакать, — подытожил Ноланд, вставая. — Вам понадобятся какие-нибудь копии? — Аудитенция явно была окончена.

— Может быть, позже, — ответил Клей. Они поблагодарили руководителя наставников за то, что он уделил им время, и последовали за ним в приемную.

В машине, застегнув ремень безопасности, Родни окинул взглядом улицу и очень тихо сказал:

— Внимание, дружище, у нас новый приятель.

Глядя на счетчик горючего и гадая, хватит ли им бензина, чтобы доехать до конторы, Клей небрежно спросил:

— Какой еще приятель?

— Видишь бордовый джип вон там, в полуквартале от нас на другой стороне улицы?

Клей посмотрел:

— Ну и что?

— За рулем черный субъект, верзила в бейсболке, кажется, «Редскинз». Он наблюдает за нами.

Вглядевшись, Клей с трудом различил фигуру водителя, цвет кожи и бейсболку он рассмотреть не смог.

— Почему ты так думаешь?

— Я дважды видел его на Леймонт-стрит, когда мы там были. Ошивался поблизости, делал вид, что не смотрит на нас. Когда мы припарковывались здесь, я заметил этот джип в трех кварталах отсюда, а теперь он рядом.

— Почему ты думаешь, что это тот самый джип?

— Бордовый цвет не такой уж распространенный. И потом, видишь вмятину на переднем бампере справа?

— Кажется, вижу.

— Это тот самый джип, точно. Давай проедем вперед и получше рассмотрим водителя.

Клей медленно направился к бордовому джипу. Шофер моментально укрылся за газетой. Родни записал номер машины.

— Зачем кому-то за нами следить?

— Наркотики. Дело, как всегда, в них. Возможно, Текила был распространителем. Возможно, у парня, которого он угрохал, были опасные дружки. Кто знает?

— Хотелось бы узнать.

— Давай не будем сейчас копать слишком глубоко. Поезжай, а я прослежу, увяжется ли он за нами.

Проехав с полчаса на юг, они остановились возле заправочной станции на авеню Пуэрто-Рико, неподалеку от Анакоста-Ривер. Пока Клей заливал в бак бензин, Родни наблюдал за проезжающими машинами.

— Отстал, — сказал он, когда они тронулись снова. — Едем в контору.

— Почему они сняли наблюдение? — спросил Клей, заранее готовый поверить в любое объяснение.

— Точно не знаю. — Родни не переставал смотреть в зеркало заднего вида. — Вероятно, хотели лишь убедиться, что мы действительно пойдём в лагерь. А может, поняли, что мы их засекли. Последи немного, не будут ли тебя пасти.

— Потрясающе. Меня еще никогда не пасли.

— Молись, чтобы им не понадобилось поймать тебя.

Жермен Вэнс делил кабинет с еще одним молодым необстрелянным адвокатом, которого в данный момент не оказалось на месте, так что Клею даже удалось сесть. Они обменялись соображениями по поводу дел своих последних подзащитных.

Клиент Жермена, Уошед Портер, был двадцатичетырехлетним «кадровым» бандитом, в отличие от Текилы

Уотсона имевшим длинный и устрашающий послужной список насильственных преступлений.

Член самой разветвленной в городе банды, Уошед дважды был тяжело ранен в ходе уличных перестрелок и однажды осужден за покушение на убийство. Семь из своих двадцати четырех лет он провел за решеткой. Особого желая освободиться от наркозависимости не выказал; единственная попытка, предпринятая в тюрьме, полностью провалилась. На сей раз его взяли по обвинению в двойном вооруженном нападении за четыре дня до убийства Рамона Памфри. Одна из его жертв скончалась на месте, другая находилась на грани жизни и смерти.

Незадолго до того Уошед полгода пробыл в центре «Клин-Стритс», где под строгой охраной прошел курс реабилитации. Жермен беседовал с его наставником, и разговор весьма напоминал тот, который состоялся у Клея с Тэлмаджем Эксом. Уошед освободился от зависимости, стал образцовым пациентом, полностью восстановил здоровье и с каждым днем обретал все большее самоуважение. Единственный срыв относился к раннему периоду пребывания в центре, когда он сбежал, накачался наркотиками, но через некоторое время вернулся с повинной. Почти четыре последних месяца ему позволялось выходить за пределы территории, и никаких проблем не было.

В апреле, через день после того, как его выписали из «Клин-Стритс», он совершил два вооруженных нападения, предварительно украв где-то пистолет. Судя по всему, выбор жертв был совершенно случайным. Первым пострадавшим оказался разносчик продуктов, с которым Уошед повстречался возле больницы. Они вступили в разговор, окончившийся ссорой и дракой, после чего Уошед четыре раза выстрелил в голову разносчику и убежал. Разносчик до сих пор находился в коме. Час спустя в шести кварталах оттуда Уошед израсходовал две оставшиеся пули, выстрелив в мелкого нарколога, с которым прежде имел дело. Его схватили

приятели дилера, но не стали чинить самосуд, а сдали полиции.

Жермен пока лишь однажды, очень коротко, беседовал с Уошедом — после предварительных слушаний, прямо в зале суда.

— Он все отрицал, — сообщил Жермен. — Смотрел пустым взглядом и твердил: поверить, мол, не могу, что в кого-то стрелял. Еще он сказал, будто это был тот, прежний Уошед, а не теперешний.

Глава 7

За все четыре года знакомства Клей мог припомнить лишь один случай, когда он звонил, точнее, пытался дозвониться Беннету-Бульдозеру. Попытка была предпринята в связи с необходимостью получить доступ к важным адвокатам из окружения великого человека и окончилась ничем. Мистер БВХ всячески создавал видимость, будто все время проводит «на объектах», то есть спует среди землечерпалок, отдавая бесценные распоряжения и носом чуя безграничные возможности северной части Виргинии. В их доме висели огромные фотографии, запечатлевшие его в сделанной на заказ и украшенной монограммой жесткой шляпе, с указующим перстом, посреди площадок, выровненных под строительство новых торговых центров. Ван Хорн утверждал, что не располагает временем для праздных разговоров и ненавидит телефоны, однако всегда носил с собой мобильник, чтобы держать руку на пульсе.

На самом же деле Беннет большую часть времени играл в гольф, притом очень плохо, по свидетельству отца одного из университетских однокашников Клея. Ребекка

не раз проговаривалась, что ее отец не реже чем
66 тырех раз в неделю топтал поле для гольфа в «По-

томаке» и втайне больше всего на свете мечтал выиграть клубный чемпионат.

Сочиненная им самим легенда гласила, что мистер Ван Хорн — человек действия, у него не хватает терпения сидеть за столом, и поэтому в кабинете он проводит ничтожно мало времени. Девушка, свирепая, как питбуль, отвечавшая по телефону: «Корпорация БВХ», не хотя согласилась соединить Клея с другой секретаршей, обитавшей на порядок глубже в недрах компании. «Недвижимость!» — рывкнула эта вторая, словно в компании было бесконечное количество подразделений. Понадобилось не менее пяти минут, чтобы добраться до личной секретарши Беннета.

— Его нет на месте, — сообщила та.

— Как я могу с ним связаться? — спросил Клей.

— Он на объекте.

— Да, это я понял, но как с ним связаться?

— Оставьте свой номер, я передам его вместе с сообщениями о других телефонных звонках, — ответила девушка.

— О, премного благодарен, — съязвил Клей и оставил свой рабочий номер.

Беннет перезвонил ему через полчаса. Судя по шумовому фону, находился он в помещении, скорее всего, в мужской комнате отдыха клуба «Потомак», со стаканом скотча в руке, огромной сигарой в зубах, в процессе игры в кункен.

— Клей, как поживаешь, старина? — воскликнул он так, словно они не виделись много месяцев.

— Прекрасно, мистер Ван Хорн, спасибо, а вы?

— Отлично. Прекрасно вчера посидели, не правда ли? — Ни рева дизельных моторов, ни взрывов вокруг слышно не было.

— Да, было очень мило, как всегда, — солгал Клей.